

✦ Классическое наследие

UDC 159.923.2

DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-3/4-27-64

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ. Глава X. СОЗНАНИЕ Я*

Аннотация: Представлена последняя часть полного перевода главы «Сознание Я» из книги У. Джеймса «Принципы психологии». В этой части автор завершает свой критический обзор существующих теорий Эго, рассматривая ассоциационистскую теорию (Д. Юм, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль и др.) и трансценденталистскую теорию (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и др.). В завершении обзора он подытоживает отличие развиваемой им психологической теории Я и сознания Я от других теорий и проводит важное различие между I («судящей Мыслью») и me (эмпирическим, или объективным Я). После этого рассматриваются различные мутации Я, связанные с изменением памяти и с изменением телесных и духовных Я, в том числе такие случаи, как безумные заблуждения, чередующиеся Я, медиумические состояния и одержимости.

Abstract: The final part of full Russian translation of the chapter on the Consciousness of Self from William James' work "The Principles of Psychology" is presented. In this part of the chapter the author completes his critical survey of predominant theories of Ego, examining the associationist theory (D. Hume, James and J.S Mills etc.) and the transcendentalist theory (I. Kant, G.W.F. Hegel etc.). In conclusion of this survey he sums up the difference of his psychological theory of Self and the consciousness of Self from predominant theories and offers important distinction between I ("judging Thought") and me (empirical, or objective person). Then he considers various mutations of the Self connected with alterations of memory and with alterations of bodily and spiritual selves, including such cases as insane delusions, alternating selves, and mediumships and obsessions.

Ключевые слова: самосознание, личная идентичность, поток мышления, память, I и me, мутации Я.

Keywords: self-consciousness, personal identity, stream of thought, memory, I and me, mutations of the self.

Ассоциационистская теория

Дорогу ей проложил Локк, предложив гипотезу, согласно которой одна и та же субстанция имеет два следующих одно за другим сознания, а одно и то же сознание

* Окончание. Начало в предыдущих выпусках (95-96, 97-98). Перевод сделан по изданию: James W. *The Principles of Psychology*. – Vol. I. – N.Y.: Henry Holt and Company, 1890. – P. 291-401. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

поддерживается более чем одной субстанцией. Он дал своим читателям понять, что *важное* единство Я — его проверяемое и ощущаемое единство; метафизическое же, или абсолютное единство несущественно, пока возможно *сознание* разнообразия.

Юм показал, насколько сознание разнообразия на самом деле велико. В знаменитой главе «Трактата о человеческой природе», посвященной тождеству личности, он пишет:

«Существуют философы, воображающие, будто мы ежеминутно непосредственным образом сознаем то, что называем своим *я*; будто мы ощущаем и его существование, и непрерывность этого существования и будто наша уверенность как в его совершенном тождестве, так и в его простоте выше той очевидности, которую могло бы дать нам демонстративное доказательство...

К несчастью, все эти положительные утверждения противоположны тому самому опыту, который приводится в качестве их доказательства, и у нас нет идеи нашего *я*, которая получалась бы вышеобъясненным путем... Какое-нибудь единичное впечатление должно давать начало каждой реальной идее... Если идея нашего *я* порождается некоторым впечатлением, то оно должно оставаться неизменно тождественным в течение всей нашей жизни, поскольку предполагается, что наше *я* таковым именно и остается. Но нет такого впечатления, которое было бы постоянным и неизменным. Стрдание и наслаждение, печаль и радость, страсти и ощущения сменяют друг друга и никогда не существуют все одновременно...

Что касается меня, то, когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим *я*, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое *я* как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия. Если же мои восприятия временно прекращаются, как бывает при глубоком сне, то в течение всего этого времени я не сознаю своего *я* и поистине могу считаться несуществующим. А если бы все мои восприятия совершенно прекратились с наступлением смерти и если бы после разложения своего тела я не мог ни думать, ни чувствовать, ни видеть, ни любить, ни испытывать ненависть, то это было бы полным уничтожением меня; да я и не представляю себе, что еще требуется для того, чтобы превратить меня в полное небытие. Если же кто-нибудь после серьезного и непредубежденного размышления будет все же думать, что у него иное представление о своем *я*, то я должен буду сознаться, что не могу дальше спорить с ним. Я могу лишь допустить, что он так же прав, как и я, и что мы существенно отличаемся друг от друга в данном отношении. Он, быть может, и сознает в себе нечто простое и непрерывное, которое и называет своим *я*, тогда как я уверен, что во мне такого принципа нет.

Но, оставляя в стороне подобного рода метафизиков, я решаюсь утверждать относительно остальных людей, что они суть *не что иное, как связка или пучок* (bundle or collection) *различных восприятий*, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении. Наши глаза не могут повернуться в глазницах без того, чтобы не изменились наши восприятия. Наша мысль еще более изменчива, чем зрение, а все остальные наши чувства и способности вносят свою долю в эти изменения, и нет такой душевной силы, которая оставалась бы неизменно тождественной, разве только на одно мгновение. Дух — нечто вроде театра, в котором выступают друг за другом различные восприятия; они проходят,

возвращаются, исчезают и смешиваются друг с другом в бесконечно разнообразных положениях и сочетаниях. *Собственно говоря, в духе нет простоты в любой данный момент и нет тождества в различные моменты*, как бы велика ни была наша естественная склонность воображать подобную простоту и подобное тождество. Сравнение с театром не должно вводить нас в заблуждение: дух состоит из одних только восприятий, следующих друг за другом, и у нас нет ни малейшего представления о том месте, в котором разыгрываются эти сцены, и о том материале, из которого этот театр состоит» (см. прим. 28).

Но, проделав эту впечатляющую интроспективную работу, Юм тут же выплескивает вместе с водой и ребенка, впадая в такую же крайность, как и философы-субстанциалисты. Как они говорят, что Я есть не что иное, как Единство, единство абстрактное и абсолютное, точно так же и Юм говорит, что оно есть не что иное, как Многообразие, многообразие абстрактное и абсолютное, тогда как на самом деле оно представляет собой то смешение единства и многообразия, которое, как мы уже выяснили, легко поддается расщеплению. Мы обнаружили среди объектов потока ряд переживаний, вряд ли претерпевших изменение и выступающих в прошлом с такой же теплотой и живостью, с какой выступает сейчас наличное переживание; и мы выяснили, что наличное переживание является центром приращения, к которому, *de proche en proche*, осязательно прицепляются *судящей Мыслью* эти другие переживания. Юм ничего не говорит о судящей Мысли; этой нити сходства, этому ядру тождества, проходящего через ингредиенты Я, он отказывает в существовании — даже в качестве феноменальной вещи. Для него между чистым единством и чистой разделенностью нет никакого *tertium quid*. Последовательность идей, «соединенных тесной связью, дает внимательному взгляду настолько совершенное понятие многообразия, как если бы не было *никакого способа связи*» вообще.

«...Наши отдельные восприятия суть отдельные предметы (existences) и наш ум никогда не воспринимает реальной связи между отдельными предметами. Если бы наши восприятия были присущи чему-нибудь простому и единому или *если бы наш ум воспринимал между ними какую-нибудь реальную связь*, никакого затруднения этот вопрос не представлял бы. Что касается меня, то я вынужден сослаться на свою привилегию скептика и признаться, что для моего понимания эта задача слишком затруднительна. Впрочем, я не претендую на утверждение, что она абсолютно неразрешима. Быть может, другим... удастся найти какую-нибудь гипотезу, которая примирит эти противоречия» (см. прим. 29).

Юм, в сущности, такой же метафизик, как и Фома Аквинский. И в том, что он не может отыскать никакой «гипотезы», нет ничего удивительного. Единство частей потока есть связь настолько же «реальная», насколько их разнообразие есть реальное разделение. И связь, и разделение суть способы, которыми прошлые мысли предстают настоящей Мысли: несхожесть друг с другом в датировке и некоторых качествах — это разделение; схожесть в иных отношениях и преемственность во времени — связь. Требуя более «реальной» связи, чем это очевидное и проверяемое сходство и преемственность, Юм ищет «мир, скрытый за зеркалом» и показывает нам поразительный пример того Абсолютизма, который является тяжким недугом философской Мысли.

Цепочка отдельных предметов, на которые Юм нарезал тем самым наш «поток», была воспринята всеми его последователями как полный инвентарь фактов. Было положено начало ассоциационистской Философии. Из «идей», отдельных, не веда-

ющих друг о друге, но сцепляющихся и вызывающих друг друга согласно определенным законам, должны были быть каким-то образом объяснены все высшие формы сознания, и среди них сознание нашей личной идентичности. Задача была трудной, и основная тяжесть в ее решении легла на то, что мы назвали ошибкой психолога (см. прим. 30). Две идеи — идея «А» и идущая вслед за нею идея «В» — были преобразованы в третью идею «В *после* А». Идея из прошлого года, возвращающаяся сейчас, была принята как идея *самого прошлого года*, две схожие идеи стали обозначать *идею сходства* и т.п.; а это — очевидные путаницы, в которых определенные факты, *касающиеся* идей, возможные только для того, кто познает их извне, были поставлены на место собственного ограниченного сообщения и содержания идей. Предполагалось, что из таких повторений и сходств в ряду дискретных идей и ощущений каким-то образом каждый раз рождается знание при чувстве, что оно *является* повторяющимся и схожим и помогает образовать ряд, к единству которого присоединилось название «я». По сути так же и Гербарт (см. прим. 31) в Германии попытался показать, как конфликт идей сплавляется в *способ саморепрезентации*, для которого «я» является осященным именем (см. прим. 32).

Дефект всех этих попыток в том, что вывод, якобы вытекающий из определенных посылок, никак рационально не заключен в этих посылках. Всякое чувство, если оно просто *возвращается*, должно быть не чем иным, как тем, чем оно было первоначально. Если ему, когда оно возвращается, атрибутируются припоминание прежнего существования и все виды других когнитивных функций, то это уже не то же самое чувство, а совершенно иное, и описать его надо так. *Мы* с предельной ясностью так его и описали. *Мы* сказали, что чувства никогда не возвращаются. У нас не было претензий на *объяснение* этого; мы зафиксировали это как эмпирически установленный закон, аналогичный некоторым законам физиологии мозга; а стремясь определить, чем новые чувства отличаются от старых, мы обнаружили, что они *сознают* и *апроприируют* старые, в то время как те всегда сознавали и апроприировали что-то еще. Опять же ни на что, кроме полного описания фактов, это описание не претендовало. Оно объясняло их не больше, чем ассоциационистское. Но последнее и предполагает объяснить их, и одним махом их фальсифицирует, а то и другое предосудительно.

Наверное, справедливо будет сказать, что авторы-ассоциационисты при обсуждении Я, как правило, втайне недобросовестны, и хотя они вполне отчетливо говорят, что это такое — а именно цепочка чувств или мыслей, — они все-таки очень уклончивы, когда надо открыто взяться за проблему того, как оно приходит к осознанию самого себя. Например, ни Бэн, ни Спенсер не затрагивают напрямую эту проблему. Как правило, авторы-ассоциационисты продолжают твердить о «разуме» и о том, что «мы» делаем; и протаскивая, тем самым, контрабандой то, что они должны открыто постулировать в виде текущей «судящей Мысли», они либо эксплуатируют неразборчивость своего читателя, либо проявляют неразборчивость сами.

М-р Д.Г. Томпсон — единственный известный мне ассоциационист, изящно избегающий этой путаницы и открыто *постулирующий* то, что ему нужно. «Все состояния сознания, — пишет он, — предполагают и постулируют субъективное Эго, чья субстанция неведома и непознаваема; с ним [почему бы не сказать: *посредством* него?] состояния сознания соотносятся как атрибуты, но в процессе соотнесения оно объективируется и само становится атрибутом субъективного Эго, которое все еще остается за его пределами и всегда ускользает от познания, хотя и постулируется всегда для

познания» (см. прим. 33). Это точь-в-точь наша судящая и помнящая текущая «Мысль», описанная менее простыми словами.

После м-ра Томпсона заслуживают внимания, как стремившиеся быть насколько возможно ясными, мсье Тэн и оба Милля. В первом томе книги «Об уме и познании» Тэн рассказывает нам, *что есть* Эго: это непрерывная сеть сознательных событий, не более реально отдельных друг от друга (см. прим. 34), чем ромбы, треугольники и квадраты, начерченные мелом на доске, ведь сама доска одна. Во втором томе он говорит, что все эти части имеют общее присущее им свойство быть *внутренними* [это наше свойство «теплоты», иначе словесно обозначенное]. Это свойство абстрагируется и обособляется с помощью умственной фикции и становится тем, что мы *сознаем* как свое я: «это стабильное *внутри* есть то, что каждый из нас называет *я* или *мною*». Очевидно, мсье Тэн забывает поведать нам, что такое этот «каждый из нас», который вдруг появляется, выполняет абстракцию и «называет» ее продукт «я» или «мною». Свойство не абстрагирует *само себя*. Под «каждым из нас» Тэн имеет в виду просто-напросто текущую «судящую Мысль» с ее памятью и склонностью апроприировать, но он не называет ее достаточно внятно и впадает в фикцию, что весь ряд мыслей, вся «доска» — это рефлекслирующий психолог.

Джеймс Милль, определив Память как цепочку ассоциированных идей, начинающуюся с идеи моего прошлого я и завершающуюся идеей моего нынешнего я, определяет мое Я как цепь идей, первую в которой Память объявляет непрерывно связанной с последней. Следующие друг за другом ассоциированные идеи «вбегают, так сказать, в единую точку сознания» (см. прим. 35). Джон Милль, комментируя это описание, говорит:

«Феномен Я и феномен Памяти — всего лишь две стороны одного факта, или два разных способа видеть один и тот же факт. Как психологи, мы можем отталкиваться от любого из них и соотносить с ним другой... Но вряд ли позволительно брать тот и другой одновременно. По крайней мере, надо сказать, что, поступая так, мы не объясним ни того, ни другого. Мы только показываем, что обе эти вещи по существу тождественны, что моя память о восхождении в один прекрасный день на Скиддо и мое сознание того, что я тот самый человек, который взошел в этот день на Скиддо, суть два способа установления одного и того же факта — факта, который психологии так и не удалось до сих пор разложить на что-либо более элементарное. Анализируя сложные феномены сознания, мы должны прийти к чему-то конечному; и, похоже, мы пришли к двум элементам, которые предъявляют законные первоочередные притязания на этот титул. Во-первых, есть... различие между фактом и Мыслью об этом факте — различие, которое мы способны опознать в прошлом (и которое затем образует Память) и в будущем (когда оно конституирует Ожидание). Но ни в одном из этих случаев мы не можем дать никакого его описания, кроме того, что оно существует... Во-вторых, вдобавок к этому и исходя из веры в то... что идея, которую я имею сейчас, была почерпнута из прежнего ощущения... имеется еще одно убеждение — в том, что это ощущение... было моим собственным, что оно случилось с моим я.

Иными словами, я сознаю длинную и непрерывную последовательность прошлых чувствований, идущую вглубь так далеко, насколько простирается память, и завершающуюся ощущениями, которые есть у меня в настоящий момент, и все эти чувствования соединены непостижимой связью, которая отграничивает их не только от любой последовательности или комбинации в чистом мышлении, но и от па-

параллельных последовательностей чувствований, которые, как я полагаю на основе удовлетворяющих меня свидетельств, произошли с любым из других существ, устроенных так же, как и я, которых я вокруг себя воспринимаю. Эта последовательность чувствований, которую я называю своей памятью о прошлом, и есть то, посредством чего я отличаю собственное Я. Я сам — это человек, у которого был этот ряд чувствований, и я не знаю о себе напрямую ничего, кроме того, что они у меня были. Но меж всеми частями этого ряда есть своего рода связь, заставляющая меня сказать, что это были чувствования человека, являвшегося на протяжении всего ряда одним и тем же человеком [у нас в этом случае речь идет об их «теплоте» и сходстве с «центральным духовным я», актуально воспринимаемым сейчас] и в то же время отличным от тех, у кого была любая из параллельных последовательностей чувствований; и эта связь конституирует для меня мое Эго. Теперь, полагаю, этот вопрос должен быть закрыт до тех пор, пока кому-нибудь из психологов не удастся лучше, чем раньше, показать, каким образом представленный анализ можно далее углубить» (см. прим. 36).

О том, удалось ли нам углубить этот анализ дальше, судить читателю. Всевозможные проведенные нами различения являются частями попытки это сделать. Сам Джон Милль в пассаже, написанном позже, не просто совсем не продвигается в этой линии анализа, но и, похоже, даже отказывается назад, к чему-то, опасно близкому к Душе. Он пишет:

«Факт узнавания ощущения... воспоминания того, что оно раньше было, есть простейший и элементарнейший факт памяти: и *необъяснимая связь*... соединяющая текущее сознание с прошлым, которое оно мне напоминает, позволяет максимально, насколько возможно, приблизиться к позитивному представлению о Я. То, что в этой связи есть нечто реальное, настолько же реальное, как и сами ощущения, а не просто продукт законов мышления, не соотносящийся ни с каким фактом, кажется мне несомненным... Этот изначальный элемент... коему мы не можем дать никакого иного имени, кроме его собственного, не предположив при этом какую-нибудь ложную или беспочвенную теорию, есть Эго, или Я. Соответственно, я приписываю Я — своему разуму — реальность, отличную от того реального существования в качестве Постоянной Возможности, которая есть единственная реальность, признаваемая мною в Материи... Мы вынуждены воспринимать каждую часть ряда как связанную с другими частями *чем-то общим*, и это — не сами чувствования, точно так же как и последовательность чувствований — не сами чувствования; а поскольку то, что является в первой части ряда тем же, что и во второй, во второй — тем же, что и в третьей, в третьей — тем же, что и в четвертой и т.д., должно быть тождественным в первой и в пятой, то этот общий элемент будет постоянным. Но сверх этого мы не можем ничего о нем утверждать, кроме самих состояний сознания. Чувства или сознания, принадлежащие или принадлежавшие ему, и его возможности иметь их больше — единственные факты, которые можно утверждать в отношении Я, единственные атрибуты, кроме постоянства, которые можно ему приписать» (см. прим. 37).

Обычный метод философствования м-ра Милля заключался в том, что сначала он выдвигал в общих чертах какую-нибудь общую доктрину, взятую у отца, а затем делал так много детальных уступок его противникам, что она практически полностью отбрасывалась (см. прим. 38). В этом месте уступки, насколько их можно понять, сводятся к признанию чего-то очень похожего на Душу. Эта «необъяснимая связь», которая соединяет чувства, это «нечто общее», благодаря которому они со-

единяются и которое не является самими преходящими чувствами, а есть нечто «постоянное», о котором мы не можем «ничего утверждать», за исключением его атрибутов и его постоянства, — что это как не возвращающаяся к жизни метафизическая Субстанция? С каким бы уважением ни должны были мы относиться к чистоте помыслов Милля, в такой же степени нужно сожалеть о недостаточной его проникательности в этом вопросе. По сути, он допускает ту же ошибку, что и Юм: сами по себе ощущения, полагает он, лишены «связи» друг с другом. Связь сходства и непрерывности, которую вспоминающая Мысль находит между ними, — не «реальная связь», а «просто продукт законов мышления»; и то, что текущая Мысль их «апроприрует», — тоже никакая не реальная связь. Но если Юм удовлетворился утверждением, что, в конце концов, не может *быть* никакой «реальной связи», то Милль, не желая признать эту возможность, склоняется, как и всякий схоласт, к тому, чтобы поместить ее в нефеноменальный мир.

Уступки Джона Милля можно считать *окончательным банкротством ассоциационистского описания сознания Я*; оно начиналось с самых лучших побуждений и смутного понимания пути, но в итоге «зашло в тупик», сбитое с толку неадекватностью «простых чувствований» — некогнитивных, не выходящих за пределы самих себя, — бывших тем единственным багажом, который оно было готово с собою взять. Необходимо *допустить* память, знание со стороны чувствований чего-то такого, что находится вне их. Если это допустить, то все прочие истины подтягиваются сами собой, и трудно сбиться с пути. Знание, коим наличное чувствование обладает в отношении прошлых, есть реальная связь между ними, также как и их сходство, и их непрерывность, и «апроприация» одного другим: все это реальные связи, реализующиеся в судящей Мысли каждого мгновения, единственном месте, где могли бы реализоваться *разъединения*, если бы они существовали.

Юм и Милль оба предполагают, что разъединение здесь может быть реализовано, а связь — нет. Но связи и разъединения в этой материи самосознания — вещи явно однопорядковые. Способ, которым текущая Мысль апроприрует прошлую, — реальный способ, пока не нашлось другого владельца, который апроприровал бы ее реальнее, и пока у Мысли нет оснований отвергнуть ее, пересиливающих те, которые приводят к ее апроприации. Но никакой другой владелец за моим прошлым никогда не приходит, а ощущаемые мной основания для его апроприации — непрерывность и сходство с настоящим — перевешивают основания для избавления от него, т.е. дистанцию во времени. Таким образом, моя нынешняя Мысль пребывает во всей полноте владения цепочкой моих прошлых я; она их владелец не только *de facto*, но и *de jure*; это самый реальный владелец, какой только может быть, — и все это без предположения какой-либо «необъяснимой связи», а полностью проверяемо и феноменально.

Обратимся теперь к тому, что можно назвать трансценденталистской теорией.

Трансценденталистская теория

Своим происхождением она обязана Канту. Собственные рассуждения Канта слишком пространны и смутны, чтобы дословно их здесь цитировать, так что моя задача — только передать их суть. Кант, насколько я его понимаю, отталкивается от, по сути, такого же видения *Объекта*, как и предложенное в нашем описании (см. прим. 39): для него это система связанных вещей, качеств или фактов. «*Объект* есть то, в понятии (Begriff) чего *объединено* многообразное, охватываемое данным созер-

цанием» (см. прим. 40). Но если мы просто допустили носителя этого связного знания в виде того, что мы называем текущей Мыслью, или частью Потока Сознания (провозглашенного нами в качестве предельного факта для психологии), то Кант отрицает, что это предельный факт, и настаивает на разложении его на большое число отдельных, хотя и равно существенных элементов. Своим «Многообразием» Объект обязан Чувственности, самой по себе хаотичной, а единством — той синтетической обработке, которую получает это Многообразное со стороны таких высших способностей, как Интуиция, Восприятие, Воображение, Рассудок и Апперцепция. Именно единая сущностная спонтанная активность Понимания, выступающая под этими разными именами, привносит единство в чувственное многообразие: «...рассудок есть не что иное, как способность *a priori* связывать и подводить многообразное [содержание] данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании» (см. прим. 41).

Связный материал должен быть *дан* низшими способностями Рассудку; последний не есть интуитивная способность, он по природе своей «пуст». Подведение же этого материала «под единство апперцепции» объясняется у Канта в том духе, что он всегда мыслится так, что, каковы бы ни были его детерминации, он может быть опознан как *мыслимый мной* (см. прим. 42). Хотя это сознание — того, что *я его мыслю*, — не обязательно должно быть в каждый момент эксплицитно представленным, оно всегда *способно* таковым стать. Ведь если бы обнаружился объект, *неспособный* сочетаться с идеей мыслящего, то как можно было бы его знать, как можно было бы связать его с другими объектами, как мог бы он вообще образовать часть «опыта»?

Сознание того, что *я мыслю*, предполагается, стало быть, в любом опыте. Не может быть никакого связного сознания чего-либо без сознания *Я* как его предпосылки и «трансцендентального» условия! Следовательно, все вещи, насколько они вообще доступны сознанию, являются таковыми за счет сочетания с чистым сознанием *Я*, и без этой, по крайней мере потенциальной, комбинации ничто не познаваемо *для нас* вообще.

Но этому *Я*, чье сознание Кант дедуктивно установил как *conditio sine qua non* опыта, он в то же время отказывает во всяких позитивных атрибутах. Хотя название, данное ему Кантом, — «первоначальное трансцендентальное синтетическое единство апперцепции» — слишком длинное, наше сознание *о* нем, с его точки зрения, довольно непродолжительно. Самосознание этого «трансцендентального» рода говорит нам не о том, «как я являюсь себе», не о том, «как я существую сам по себе», а «только, что я существую» (см. прим. 43). В основе нашего знания наших *Я* лежит только «простое и само по себе совершенно лишенное содержания представление: *Я*, которое нельзя даже назвать понятием, так как оно есть лишь сознание, сопутствующее всем понятиям. Посредством этого *Я*, или *Он*, или *Оно* (вещь), которое мыслит, представляется не что иное, как трансцендентальный субъект мысли $\neq x$, который познается только посредством мыслей, составляющих его предикаты, и о котором мы, если его обособить, не можем иметь ни малейшего понятия» (см. прим. 44).

Чистым Эго всякой апперцепции у Канта является, стало быть, не душа, а лишь тот «Субъект», который является необходимым коррелятом Объекта во всяком знании. Душа, полагает Кант, *есть*, но эта всего лишь эго-форма нашего сознания ничего нам о ней не говорит: ни о том, субстанциальна ли она, ни о том, нематериальна ли она, ни о том, проста ли она, ни о том, перманентна ли она. Эти заявления Канта

о предельной бессодержательности сознания чистого Я и вытекающей отсюда невозможности всякой дедуктивной, или «рациональной», психологии более, чем что бы то ни было, снижали ему титул «всеразрушителя». Единственное Я, о котором мы знаем что-то позитивное, — это, по его мнению, не чистое Я (I), а эмпирическое *меня* (me), т.е. Я, являющееся объектом среди других объектов, «составные элементы» которого мы ранее увидели и опознали как феноменальные вещи, явленные в пространственно-временной форме.

Для наших целей этого описания «трансцендентального» Эго будет достаточно.

Эти цели не идут дальше установления того, есть ли в концепции Канта что-то такое, что должно было бы заставить нас отбросить собственную, т.е. концепцию непрерывно обновляемой вспоминающей и апроприрующей Мысли. То, что Кант имеет в виду, во многих отношениях туманно, но нам нет нужды продирааться через тексты, чтобы проверить, что он действительно исторически говорил. Если мы сможем четко определить две-три вещи, относящиеся к тому, что это *могло бы* значить, то прояснению наших идей это поможет ничуть не хуже.

В целом, защитимое истолкование взгляда Канта приняло бы примерно такую форму. Как и мы, он верит в Реальность вне разума, о котором он пишет, но критик, ручающийся за эту реальность, делает это на основании веры, поскольку это не верифицируемая феноменальная вещь. Так же и с многообразным. «Многообразное», которое комбинируют интеллектуальные функции, есть всецело ментальное многообразное; стало быть, оно *занимает место между* Эго Апперцепции и внешней Реальностью, оставаясь при этом внутри разума. В функции знания есть множественность, которая подлежит связыванию, и эту множественность Кант помещает в разум. Реальность становится всего лишь пустым *локусом*, или непознаваемым, так называемым Ноуменом; многообразный феномен находится в разуме. Мы же, напротив, помещаем Множественность вместе с Реальностью вовне и оставляем разум простым. Мы одинаково имеем дело с одними и теми же элементами — мыслью и объектом; вопрос лишь в том, в который из них будет помещена эта множественность. Где бы мы ее ни разместили, она, становясь мыслимой, должна быть «синтезирована». И лучшим будет тот способ ее размещения, который, вдобавок к естественному описанию фактов, сделает наименее трудной для понимания «тайну синтеза».

Так вот, кантовский способ описания фактов — мифологический. Изображение нашего мышления в виде такого рода сложного внутреннего механического цеха отвергается как непригодное всем тем, что мы говорили в пользу его простоты (см. прим. 45). Наша Мысль не образуется из частей, как бы ни составлялись подобным образом ее объекты. В ней нет никакого изначального хаотичного многообразия, которое нужно привести в порядок. Есть что-то почти шокирующее в представлении о подобной целомудренной функции, несущей в своей утробе эту кантианскую сумятицу. Если уж нам вообще нужен дуализм Мысли и Реальности, то множественность следует поместить в последний, а не в первый член этой пары связанных терминов. Части и их связи принадлежат знающему явно меньше, чем знаемому.

Но даже если бы вся эта мифология была истинной, процесс синтеза никоим образом не был бы *объяснен* названием этой внутренней разума его вместилищем. Никакую тайну невозможно прояснить такими средствами. Как «Эго» может задействовать продуктивное Воображение, чтобы заставить Рассудочное использование категорий комбинировать данные, получаемые Узнаванием, Ассоциацией и

Схватыванием от чувствительной Интуиции, — такая же загадка, как и то, как Мысль может комбинировать объективные факты. Как бы это ни описывалось, трудность всегда одна и та же: *Многое, известное Одним*. Или кто-то всерьез считает, что понимает, как познающий «связывает» свои объекты, когда называет первого трансцендентальным Эго, а последние «Многообразным [содержанием] Интуиции», лучше, чем когда называет их соответственно Мыслью и Вещами? У познания должен быть какой-то носитель. Назовем ли мы этот носитель Эго, назовем ли мы его Мыслью, Психозисом, Душой, Интеллектом, Сознанием, Умом, Рассудком, Чувством, да как угодно, — он должен *знать*. Наилучшим грамматическим подлежащим для глагола *знать* было бы, если бы это было возможно, такое, из прочих свойств которого знание можно было бы вывести путем дедукции. А если такого подлежащего нет, то лучшим будет такое, в котором будет меньше всего двусмысленностей и у которого будет наименее претенциозное имя. По признанию самого Канта, у трансцендентального Эго нет свойств, и из него ничего нельзя дедуцировать. Имя его претенциозно, и, как мы сейчас увидим, его значение двусмысленно смешивается со значением субстанциальной души. Поэтому исходя из всех возможных оснований будет простиительно, если мы воздержимся от использования его вместо нашего собственного термина — наличной преходящей Мысли — как обозначения принципа, благодаря которому известно одновременно Многое.

Двусмысленность, отмеченная нами в значении «трансцендентального Эго», состоит вот в чем: неясно, называл ли Кант этим термином *Агента*, а «Опытом», который он помогает конституировать, — операцию, или же опыт есть событие, *производимое* непредписанным образом, а Эго — всего лишь постоянно содержащийся в нем элемент. Если имеется в виду операция, то и Эго, и Многообразное должны существовать до этого столкновения, итогом которого становится переживание одного другим. Если же имеется в виду просто анализ, то такого предшествующего существования нет, и элементы *наличествуют* лишь постольку, поскольку пребывают в союзе. Так вот, тон и язык Канта — это сплошь и рядом слова человека, говорящего об операциях и агентах, которыми они выполняются (см. прим. 46). Вместе с тем есть основания думать, что, в сущности, ничего такого он, возможно, и не имел в виду (см. прим. 47). В ситуации этой неопределенности нам надо опять же просто решить, что думать о его трансцендентальном Эго, *если оно* агент.

Допустим, это так. Тогда Трансцендентализм — всего лишь доросший до стыдливости Субстанциализм, а Эго — всего лишь «дешевое и вульгарное» издание души. Все наши основания для предпочтения «Мысли» «Душе» оказываются применимы с удвоенной силой, когда Душа свертывается до этого состояния. Душа поистине ничего не объясняла; «синтезы», которые она выполняла, просто брались готовыми и подсовывались ей как выражения ее природы, взятые постфактум; но у нее, по крайней мере, было некоторое подобие благородства и стати. Ее называли активной; она могла производить отбор, была по-своему ответственной и постоянной. Эго же — просто *ничто*: недееспособный и ветреный уродец, какого только может явить Философия. Было бы поистине одной из трагедий Разума, если бы добрый Кант, со всей его честностью и мучительными стараниями, считал эту концепцию важным детищем своей мысли.

Между тем мы видели, что Кант считал ее едва ли не незначительной. Понадобились его последователи из числа фихтеанцев и гегельянцев, чтобы назвать ее пер-

вым Началом Философии, записать ее название заглавными буквами и восхищенно ее возвестить, короче говоря, поступить так, словно они возносятся ввысь на воздушном шаре всякий раз, когда мысль о ней навещает их ум. Но и здесь я опять же не уверен в фактах истории и знаю, что мог неверно истолковать указанных авторов. Весь урок кантовского и послекантовского мышления, как мне кажется, — это урок простоты. У Канта усложнение мысли и языка было прирожденным недостатком, усиленным затхлым академизмом его кенигсбергского существования. У Гегеля же оно стало неистовой лихорадкой. Как следствие, от кислого винограда, которого наелись эти отцы-основатели философии, нам страшно свело челюсти. Меж тем в Англии и Америке нынешнее продолжение гегельянства, к счастью, приносит заявления несколько попроще; и, не обнаруживая сколько-нибудь определенной психологии в том, что говорят нам об Эго Гегель, Розенкранц или Эрдман, я обращусь к Керду и Грину.

Большая разница, с практической стороны, между этими авторами и Кантом состоит в том, что они полностью абстрагируются от наблюдающего Психолога и от Реальности, которую, по его мнению, он знает, или, скорее, растворяют оба этих термина в подлинной теме Психологии — ментальном опыте наблюдаемого ума. Реальность сливается со связным Многообразным, Психолог — с Эго, знание становится «связыванием», и в итоге мы имеем уже не конечный, или критикуемый, а «абсолютный» Опыт, Объект и Субъект которого всегда тождественны. Наша конечная «Мысль» есть действительно и потенциально это вечное (или, скорее, «вневременное») абсолютное Эго и лишь временно и мнимо та ограниченная вещь, коей она по видимости *prima facie* является. Позднейшие «отрезки» нашего «Потока», которые приходят и апроприируют предыдущие, *суть* эти предыдущие, точно так же как Душа в субстанциализме на протяжении всего времени одна и та же (см. прим. 48). Этот «солипсистский» характер Опыта, понятого как абсолютный, фактически уничтожает психологию как отдельную область науки.

Психология — естественная наука, описание особых конечных потоков сознания, сосуществующих и следующих один за другим во времени. Можно представить, конечно (хотя и без ясности), что в последнем метафизическом прибежище все эти потоки мышления могут мыслиться одним всеобщим Всемыслителем. Но психологии от этого метафизического представления нет никакой пользы; ведь даже если бы во всех нас мыслил один Мыслитель, все же то, что Он мыслит во мне, и то, что Он мыслит в тебе, никогда не могло бы быть выведено из чистой идеи Его. Идея Его, похоже, даже оказывает на разум положительно парализующее воздействие. Существование конечных мыслей полностью ею подавляется. Характеристики мысли, как пишет проф. Грин, «надо искать не в событиях индивидуальных жизней, длящихся всего лишь день... Ни знание, ни какой-либо замешанный в знании ментальный акт нельзя назвать собственно “феноменом сознания”... Ведь феномен — чувственное событие, связанное как антецедент или последствие с другими чувственными событиями, а сознание, конституирующее знание... не является событием, имеющим такую связь, и не образуется из таких событий». Опять-таки, если «мы разберем составляющие того или иного воспринимаемого объекта... то окажется, что они могут существовать только для сознания и что сознание, для которого они так существуют, не может быть просто серией феноменов или последовательностью состояний... Тогда становится ясно, что есть функция сознания, осуществляющаяся в самом рудимен-

тарном опыте [а именно функция синтеза], которая несовместима с определением сознания как той или иной последовательности тех или иных феноменов» (см. прим. 49).

Последуй мы этим замечаниям, нам пришлось бы отказаться от нашего понимания «Мысли» (вечно обновляемой, но всегда сознающей саму себя) и признать вместо этого сущность, скопированную во всех существенных отношениях с мысли, но отличающуюся от нее пребыванием «вне времени». Что может получить психология от этого бартера, трудно предугадать. Более того, это сходство вневременного Эго с Душой довершается еще и другими сходствами. Монизм посткантианских идеалистов, похоже, всегда переходит в обыкновенный старомодный спиритуалистический дуализм. Они все время говорят так, как если бы их Всемыслитель, подобно Душе, был Агентом, работающим с отдельными от него чувственными материалами. Возможно, это вытекает из того случайного факта, что англоязычные труды этой школы были в большей степени полемическими, чем конструктивными, и читатель часто мог принимать за позитивное выражение позиции доводы *ad hominem*, задуманные как часть сведения к абсурду, или ошибки в разложении той или иной частицы знания на элементы с целью драматической мифологизации ее сотворения. Между тем я думаю, что здесь есть более глубокие корни. Проф. Грин постоянно говорит об «активности» Я как об «условии» знания. Факты, говорит он, соединяются с другими фактами только благодаря «воздействию комбинирующего самосознания на чувственные данные».

«Каждый объект, который мы воспринимаем... требует, чтобы быть представленным, *воздействия* принципа сознания, не подчиненного самого по себе временным условиям, на последовательные явления — воздействия, которое смогло бы удержать эти явления вместе, без слияния их воедино, в мысленно схваченном факте» (см. прим. 50).

Не нужно и повторять, что связывание вещей в нашем знании никоим образом не *объясняется* превращением его в деяние агента, имеющего своей сущностью самоидентичность и пребывающего вне времени. Агентность феноменальной мысли, приходящей и уходящей во времени, *понять* так же легко. И когда далее говорится, что комбинирующий агент — все тот же «сам себя выделяющий субъект», который «в другом модусе своей активности» представляет себе многообразный объект, непостижимости доходят едва ли не до пароксизма, и мы вынуждены признаться, что вся обсуждаемая школа мысли, несмотря на случайные проблески чего-то более утонченного, все еще по привычке пребывает в той мифологической стадии мышления, где феномены объясняются как результаты драм, разыгрываемых сущностями, всего лишь удваивающими характеристики самих феноменов. Я должно не просто *знать* свой объект; это слишком убогая и мертвая связь, чтобы можно было записать ее и оставить в этом статическом состоянии. Познание должно быть изображено как «славная победа», в которой отдельность объекта была каким-то образом «преодолена».

«Я существует как единое я, лишь поскольку противопоставляет себя как объект самому себе как субъекту и непосредственно отрицает это противопоставление и превосходит его. Лишь поскольку оно является таким конкретным единством, заключающим в себе разрешенное противоречие, интеллект может справляться со всей многообразностью и разделенностью могущественного мироздания и надеяться овладеть его тайнами. Как молния спит в облачной капле, так в простом и прозрачном единстве самосознания удерживается в равновесии тот жизненный антагонизм про-

типоволожностей, который... видимо, раздирает мир на части. Интеллект способен понять мир, иначе говоря, сокрушить барьер между собой и вещами и найти себя в них, именно потому, что его собственное существование скрыто содержит в себе решение всех разделений и конфликтов в вещах» (см. прим. 51).

В этом динамическом (чуть было не написал: динамитном) способе представления знания есть свое достоинство: он не банален. Перейти от него к нашей психологической формулировке — все равно что перейти из мира, наполненного вспышками огня, ловушками и преобразованиями пантомимы, в безжизненную полуночную тишь, где

«Рассвет, подобный серой тени,

Сквозь мелкий дождь забрезжит вдруг» (см. прим. 52, 53).

И все-таки мы должны совершить этот переход, признавшись, что наша «Мысль» — когнитивное феноменальное событие во времени — сама по себе, если она вообще существует, есть всего лишь Мыслящий, которого требуют факты. Единственно чем оказался полезен психологии трансцендентальный эгоизм, так это своими протестами против юмовской «пучковой» теории разума. Но эта служба оказалась скверно выполненной; ведь сами Эгоисты, что бы они ни говорили, верят в пучок и в собственной системе просто *подвязывают его повыше*, к особой трансцендентальной струне, сугубо ради этого и изобретенной. Кроме того, они говорят так, словно с этой чудесной привязкой, или «связыванием», обязанности Эго оказываются выполнены. О гораздо более важном его долге выбирать какие-то из связываемых вещей и апроприировать их ценой исключения всего остального они не говорят нам ни слова. Подытожу свое мнение о трансценденталистской школе: какую бы тайную метафизическую истину она нам ни открывала, это школа, у которой психологии, по крайней мере, нечему научиться; в частности, ее утверждения об Эго никоим образом не обязывают нас пересмотреть нашу формулировку Потока Мышления (см. прим. 54).

Теперь мы обсудили все возможные соперничающие формулировки. Литература, посвященная Я, велика, но всех авторов, пишущих о нем, можно классифицировать как радикальных или умеренных представителей тех трех школ, которые мы назвали: субстанциализма, ассоциационизма или трансцендентализма. Наше собственное мнение нужно поместить отдельно, хотя оно вбирает в себя существенные элементы из всех трех школ. *Никогда бы не было нужды в споре между ассоциационизмом и его противниками, если бы первый допустил неразложимое единство каждой вспышки мысли, а последние согласились допустить, что «исчезающие» вспышки мысли могут припоминать и знать.*

Можно подвести итог. Личность подразумевает непрерывное наличие двух элементов: объективной персоны и текущей субъективной Мысли, которая ее знает и опознает как непрерывно длящуюся во времени. *С этого момента мы будем использовать слова *те* [меня] и *Я* [я] для обозначения, соответственно, эмпирической персоны и судящей Мысли.*

*Некоторые превратности в *те* требуют от нас нескольких слов.*

Прежде всего, хотя изменения в нем постепенны, со временем они становятся значительными. Центральная часть *те* — это чувство тела и настроек в голове; при этом в чувство тела нужно включить ощущение общих эмоциональных тоналностей и тенденций, так как в основе своей это всего лишь привычки, в которых осуществляются органические активности и восприимчивости. Итак, от младенче-

ства до старости этот ансамбль чувств, наиболее постоянных из всех, продолжает подвергаться медленной мутации. Наши способности, телесные и ментальные, изменяются по меньшей мере с такой же скоростью (см. прим. 55). Все, чем мы обладаем, — примечательно недолговечные факты.

Идентичность, которую открывает *I*, окидывая взором эту длинную процессию, может быть лишь относительной идентичностью, идентичностью медленных смещений, при которых всегда удерживается какой-то общий ингредиент (см. прим. 56). Наиболее общим, наиболее единообразным элементом всего является обладание одними и теми же воспоминаниями. Как бы ни отличался зрелый человек от себя в молодости, оба оглядываются на одно и то же детство и называют его своим собственным.

Таким образом, идентичность, находимая *I* в своем *те*, — лишь нестрого толкуемая вещь, идентичность «в целом», в точности подобная той, которую мог бы обнаружить любой внешний наблюдатель в том же ансамбле фактов. Часто мы говорим о человеке: «он так изменился, что его не узнать». И то же самое, хотя и не так часто, человек говорит о самом себе. Эти изменения в *те*, опознаваемые *I* или внешними наблюдателями, могут быть серьезными или незначительными. Они заслуживают здесь отдельного рассмотрения.

Мутации Я

Мутации Я можно подразделить на два основных класса:

- 1) изменения в памяти; и
- 2) изменения в наличных телесных и духовных я.

1. *Изменения в памяти* — это либо *потери*, либо ложные воспоминания. В обоих случаях *те* меняется. Следует ли наказывать человека за то, что он сделал в детстве и чего он больше не помнит? Следует ли наказывать его за преступления, совершенные в бессознательном состоянии после припадка, в состоянии сомнамбулизма или в любом помимо его воли индуцированном состоянии, от которого у него не сохраняется никаких воспоминаний? Закон, сообразуясь со здравым смыслом, говорит: «Нет, по результатам освидетельствования он теперь не тот же человек, которым был тогда». Эти потери памяти становятся нормальной вещью в крайне преклонном возрасте, и *те* человека сжимается по мере все большего исчезновения фактов.

В сновидениях мы забываем свои переживания периода бодрствования: их как будто и не было. Верно и обратное. Как правило, во время состояния бодрствования не сохраняется никаких воспоминаний о том, что произошло во время месмерического транса, хотя если человека снова ввести в транс, он может отчетливо это вспомнить и забыть факты, относящиеся к состоянию бодрствования. Таким образом, у нас есть — в границах здоровой ментальной жизни — приближение к чередованиям *те*.

Ложные воспоминания для большинства из нас — совсем не редкость, и всякий раз, когда они проявляются, они искажают сознание *те*. Большинство людей, вероятно, испытывают сомнение в некоторых вещах, приписываемых их прошлому. Они могли это видеть, говорить, делать, но может быть и так, что им только приснилось или они только вообразили, что они это делали. Содержание сновидений и грез часто вторгается в поток реальной жизни самым запутанным образом. Наиболее частый источник ложной памяти — это описания наших переживаний, которые мы даем другим. Такие описания мы почти всегда делаем как более простыми, так и более инте-

ресными по сравнению с истиной. Мы приводим то, что, должно быть, сказали или сделали, а не то, что реально сказали или сделали. Рассказывая это впервые, мы можем полностью сознавать эту разницу. Однако со временем вымысел изгоняет из памяти реальность и воцаряется в полном одиночестве. Это один из важнейших источников погрешностей в свидетельствах, подразумеваемых как вполне честные. Особенно рассказ приобретает такой крен, когда речь идет о чудесном, и память направляется по стопам рассказа. Д-р Карпентер приводит в качестве рядового примера выдержку из рассказа мисс Коббе:

«Однажды Автору довелось услышать от безупречно честной подруги рассказ о случае столоверчения, к которому она добавила уверение в том, что стол говорил, когда *в радиусе ярда от него никого не было*. Поскольку автора смутил этот последний факт, леди, хотя и была вполне довольна точностью своего рассказа, пообещала заглянуть в записи, которые сделала за десять лет до этого разговора. Записи были изучены, и оказалось, что в них содержалось ясное утверждение, что стол издавал звуки, когда *на нем лежали руки шести человек!* Во всех прочих деталях память женщины оказалась безукоризненно точна, в этом же моменте она совершенно добросовестно заблуждалась» (см. прим. 57).

Почти невозможно получить рассказ такого рода, точный во всех своих деталях, хотя наибольшее изменение претерпевают детали несущественные (см. прим. 58). Говорят, Диккенс и Бальзак постоянно путали свои вымыслы с реальными переживаниями. Каждому наверняка известен *какой-нибудь* экземпляр смертного, который настолько опьянен мыслью о собственной персоне и звучанием своего голоса, что неспособен даже помыслить истину, когда ставится под вопрос его автобиография. Любезный, муху не обидящий, лучезарный Дж. В.! можешь так и не пробуждаться к различию между твоим реальным и твоим любовно воображенным Я! (см. прим. 59).

2. Когда мы переходим от изменений памяти к аномальным *изменениям наличного Я*, мы сталкиваемся с еще более серьезными нарушениями. Эти перемены, с описательной точки зрения, бывают трех основных типов. Но некоторые случаи соединяют в себе черты двух или более типов, и наше знание элементов и причин этих изменений в личности настолько скудное, что разделение на типы не следует рассматривать как имеющее слишком уж глубокое значение. Речь идет о следующих типах:

- (1) безумные заблуждения;
- (2) чередующиеся я;
- (3) медиумические состояния и одержимости.

1) При сумасшествии часто встречаются заблуждения, проецируемые в прошлое; они бывают меланхолическими или сангвиническими сообразно характеру заболевания. Однако худшие перемены в Я приходят из наличных перверсий восприимчивости и порывов, оставляющих прошлое нетронутым, но приводящих пациента к мысли, что его нынешнее *те* — совершенно новый персонаж. Что-то в этом роде обычно случается при быстрой экспансии целостного характера, интеллектуальной и волевой, которая происходит после полового созревания. Патологические случаи достаточно любопытны и заслуживают более обстоятельного рассмотрения.

Основой нашей личности, как говорит Рибо, является то чувство нашей жизненности, которое в силу своего постоянного присутствия составляет фон нашего сознания.

«Это основа, поскольку, всегда присутствующее, всегда действующее, не ведающее покоя и отдыха, оно не знает ни сна, ни обморока и длится до тех пор, пока длится сама жизнь, одной из форм которой оно является. Оно служит опорой того самосознающего *меня*, что конституируется памятью; это посредник в связях между другими его частями... Представим теперь, что было бы возможно мгновенно поменять наше тело и поставить на его место другое: скелет, сосуды, внутренности, мышцы, кожу, все сделанное заново, кроме нервной системы с хранимой в нем памятью прошлого. Не может быть сомнений, что приток непривычных жизненных ощущений вызвал бы в этом случае серьезнейшие расстройства. Между старым чувством существования, впечатанным в нервную систему, и новым, воздействующим всей силой своей реальности и новизны, возникло бы непримиримое противоречие» (см. прим. 60).

Нечто вполне сопоставимое с этим возникает и при начинающемся заболевании головного мозга:

«Массы новых ощущений, до той поры чуждых индивиду, порывов и идей столь же неведомых, как-то страхов, представлений о совершенном преступлении, преследовании врагами и т.п. С самого начала они пребывают в контрасте со старым знакомым *мной* как чуждый, нередко ошеломляющий и отвратительный *ты* [см. прим. 61]. Часто их вторжение в прежний круг чувств ощущается так, словно старым Я овладела темная превосходящая сила, и факт такой “одержимости” описывается в фантастических образах. Эта двойственность, эта борьба старого Я против новых, расходящихся с ним форм опыта сопровождается мучительным душевным конфликтом, страстью и сильным эмоциональным возбуждением. Первой стадией в преобладающем большинстве случаев душевных заболеваний является такая эмоциональная перемена, особенно меланхолического рода; это во многом служит причиной типичного опыта. И если возбуждение мозга, являющееся непосредственной причиной новой аномальной цепочки идей, не будет ослаблено, то последняя закрепляется. Она может постепенно образовать ассоциации с цепочками идей, характеризовавшими старое Я, либо части последних могут исчезнуть и потеряться в ходе развития болезни головного мозга, так что мало-помалу оппозиция двух сознательных *те* слабеет, и эмоциональные бури утихают. Но к этому времени *само старое те оказывает фальсифицированным и превращенным в другое* этими ассоциациями и принятием в себя аномальных элементов чувства и воли. Пациент может опять стать тихим, а его мысли иногда логически правильными, но в этом всегда присутствуют болезненные ошибочные идеи, в созданных ими сцеплениях содержатся неуправляемые послышки, и человек уже не та же, а по-настоящему новая личность; его старое Я преобразилось» (см. прим. 62).

Сам пациент редко продолжает описывать данное изменение именно в этих терминах, пока преобладающую роль в нем не начинают играть новые *телесные ощущения* или потеря старых. Простые перверсии зрения и слуха или даже импульсов скоро перестают ощущаться как противоречия единства *те*.

Какими могут быть конкретные перверсии телесных ощущений, порождающие эти противоречия, трезвомыслящему человеку по большей части невозможно представить. У одного пациента может появиться иное Я, повторяющее для него все его мысли. У других, среди коих есть и некоторые выдающиеся исторические персонажи, присутствуют пресловутые демоны, говорящие с ними, а они им отвечают. В третьем случае кто-то «создает» за человека его мысли. У кого-то есть два тела, лежащих

в разных кроватях. У некоторых пациентов появляется ощущение, будто они утратили части своих тел: зубы, мозг, желудок и т.д. У других тело сделано из дерева, стекла, масла и т.д. Еще у кого-то оно вообще уже не существует, или мертво, или является чуждым объектом, совершенно отдельным от Я говорящего. Бывает, какие-то части тела теряют для сознания свою связь с остальным и воспринимаются как принадлежащие другому лицу и движимые враждебной волей. Например, правая рука может драться с левой как с неким врагом (см. прим. 63). Или же крики самого пациента приписываются другому лицу, в отношении которого пациент выражает симпатию. Литература о сумасшествии полна рассказов о подобного рода иллюзиях. Мсье Тэн цитирует рассказ одного из пациентов д-ра Крисгабера, в котором тот описывает свои страдания. Из него видно, насколько в стороне от нормального может внезапно оказаться человеческий опыт:

«С первого или второго дня наблюдать и анализировать себя несколько недель было невозможно. Муки — грудная жаба — были всепоглощающими. Только в первые дни января я смог дать себе отчет о том, что я пережил... Вот первое, о чем во мне сохраняется ясное воспоминание. Я был один и уже был жертвой постоянных проблем со зрением, как вдруг на меня обрушились бесконечно более выраженные проблемы со зрением. Предметы стали совсем маленькими и удалились на бесконечные расстояния — и люди, и вещи. И сам я был неизмеримо далеко. Я смотрел вокруг себя с ужасом и удивлением: *мир убежал от меня...* В это же время я заметил, что мой голос совсем далек от меня и уже не звучит так, словно он мой. Я топал ногой по земле и ощущал ее сопротивление, но это сопротивление казалось иллюзорным — не то чтобы почва была мягкой, скорее вес моего тела свелся почти к нулю... У меня было чувство, что я ничего не вешу»... Вдобавок к такой удаленности, «предметы казались мне *плоскими*. Когда я говорил с кем-то, я видел его как вырезанный из бумаги образ без выпуклостей... Это ощущение проявлялось у меня с перерывами два года... Постоянно казалось, будто мои ноги мне не принадлежат. Почти так же плохо было и с руками. Что касается головы, то, казалось, ее больше не существует... Я казался самому себе действующим автоматически, по чуждому мне самому принуждению... Внутри меня были новое существо и другая часть меня, старое существо, не проявлявшее ни малейшего интереса к пришельцу. Я отчетливо помню, как говорил самому себе, что страдания этого нового существа мне безразличны. Я никогда не поддавался по-настоящему этим иллюзиям, но мой ум часто уставал от непрерывной корректировки новых впечатлений, и я выбросил это из головы и зажил несчастной жизнью этого нового существа. У меня было страстное желание увидеть снова мой старый мир, вернуться к моему старому Я. Это желание удерживало меня от самоубийства... Я был другим, и я ненавидел, презирал этого другого; он был мне совершенно отвратителен; он явно был другим, захватившим мою форму и принявшим мои функции» (см. прим. 64).

То, что в случаях, схожих с этим, *I* остается неизменным, настолько же несомненно, как и то, что *те* меняется. Иначе говоря, пока с памятью все в порядке, текущая Мысль пациента сознает как старое *те*, так и новое. Только внутри объективной сферы, которая прежде столь легко поддавалась оценке, т.е. узнаванию и эгоистической апроприации, возникают странные затруднения. Настоящее и прошлое, оба видимые в ней, не объединяются. Где мое старое *те*? Что представляет собой новое? Тождественны ли они? Или у меня их два? Такие вопросы, ответы на которые дает

любая теория, которую пациент сможет придумать как правдоподобную, кладут начало его жизни в безумии (см. прим. 65).

Случай, о котором я узнал от д-ра К.Дж. Фишера из Тьюксбери, возможно, как раз такого происхождения. Женщина, Бриджет Ф., «уже много лет не в своем уме и всегда говорит о своем предполагаемом Я как о “крысе”, прося меня “похоронить маленькую крысу” и т.п. О своем реальном Я она говорит в третьем лице, называя ее “доброй женщиной” и говоря, например: “Добрая женщина знала д-ра Ф. и привыкла работать на него” и т.п. Иногда она с печалью в голосе спрашивает: “Как вы думаете, добрая женщина еще вернется?” Она занимается рукоделием, вязанием, стиркой и т.д.; показывая свою работу, говорит: “Разве не здорово для всего лишь крысы?” В периоды депрессии она пряталась под зданиями и забиралась в норы или под ящики. “Она была всего лишь крысой и хочет умереть”, — говорила она нам, когда мы ее находили».

2) Феномен *чередующейся личности* в простейших его фазах, по всей видимости, базируется на провалах в памяти. Любой человек входит, как мы говорим, в *противоречие* с самим собой, если забывает свои обязательства, обещания, знания и привычки, и в какой момент мы скажем, что личность его изменилась, — лишь вопрос степени. В патологических случаях, известных под именем раздвоенной, или чередующейся личности, память обрывается внезапно, и обычно этому предшествует период пребывания в бессознательном состоянии, или синкопа, продолжительность которой может быть разной. В случае гипнотического транса мы легко можем произвести изменение личности, либо веля испытуемому забыть все, что происходило с ним с такой-то и такой-то даты, и в этом случае он снова становится (может быть) ребенком, либо сказав ему, что он совершенно другой воображаемый персонаж, и в этом случае все относящиеся к нему факты, похоже, на время выпадают из его сознания, и он окунается в новый персонаж с оживлением, соразмерным богатству актерского воображения, которым он обладает (см. прим. 66). Но в патологических случаях такая трансформация происходит спонтанно. Пожалуй, самый известный из зарегистрированных случаев — это случай Фелиды Х., о котором сообщает д-р Азам из Бордо (см. прим. 67). В возрасте 14 лет эта женщина начала переходить во «вторичное» состояние, характеризовавшееся изменением в ее общей установке и характере, как если бы определенные «торможения», существовавшие прежде, внезапно были устранены. В этом вторичном состоянии она помнила первое состояние, но, выскакивая назад в первичное, ничего из второго не помнила. В возрасте 44 лет вторичное состояние, в целом качественно превосходившее исходное, настолько возобладало над последним в продолжительности, что занимало уже большую часть времени. В нем она помнит события, принадлежащие к первоначальному состоянию, но полное забвение вторичного состояния при возвращении в первоначальное часто очень ее беспокоит, как, например, когда такой переход происходит в экипаже по пути на похороны, а у нее нет ни малейшего представления о том, кто именно из ее друзей умер. Во время одного из ранних своих вторичных состояний она даже забеременела, после чего в первичном состоянии не знала, как это случилось. Ее беспокойность этими провалами в памяти временами бывает острой и однажды довела ее до попытки самоубийства.

Возьмем еще один пример. Д-р Ригер описывает случай эпилептика (см. прим. 68), который на протяжении 17 лет проводил жизнь поочередно на свободе, в тюрь-

мах и в психиатрических клиниках; в нормальном состоянии его характер был вполне упорядоченным, но это чередовалось с периодами, во время которых он на несколько недель уходил из дома, вел жизнь вора и бродяги, попадал в тюрьму, имел эпилептические припадки и возбужденные состояния, обвинялся в симуляции и т.д. и т.п., при этом совершенно не помня аномальные состояния, виновные в его несчастьях. Д-р Ригер пишет:

«Никогда ни от кого не получал я настолько уникального впечатления, как от этого человека, о котором нельзя было сказать, что у него вообще есть должным образом осознанное прошлое... Мысленно вписать Я в подобное состояние ума поистине невозможно. Последняя его кража была совершена в Нюрнберге. Он ничего о ней не знал; он видел себя представшим перед судом, а затем в больнице, но без малейшего понимания причины, которая туда его привела. То, что у него бывают эпилептические припадки, он знал. Но невозможно было убедить его в том, что он много часов кряду пребывал в бреде и вел себя ненормально».

Другой примечательный случай — случай Мэри Рейнольдс, не так давно перепубликованный д-ром Вейром Митчеллом (см. прим. 69). Эту унылую и меланхоличную молодую женщину, жившую в 1811 г. в пенсильванской глуши, «однажды утром, когда обычное время ее пробуждения уже давно прошло, нашли в глубоком сне, из которого ее невозможно было вывести. Проспав 18 или 20 часов, она проснулась, но в состоянии неестественного сознания. Память исчезла. Она была во всех отношениях похожа на существо, впервые попавшее в мир. “Все, что осталось у нее от прошлого, — это способность произнести несколько слов, да и это было, видимо, так же чисто инстинктивно, как плач младенца; ибо поначалу слова, произносимые ею, не были связаны ни с какими идеями в ее уме”. До тех пор пока ее не обучили их значению, это были ничего не значащие звуки.

“Ее глаза буквально впервые открылись на мир. Все старое исчезло, все стало новым”. Своих родителей, братьев, сестер, друзей она не узнавала и не признавала таковыми. Она никогда прежде их не видела — никогда их не знала — не сознавала, что были такие люди. Теперь она впервые входила в их круг и знакомилась с ними. Для сцен, которыми она была окружена, она была совершенно чужой. Дом, поля, лес, холмы, долины, ручьи — все было для нее внове. Красоты ландшафта были совершенно не освоенными.

У нее не было даже малейшего осознания того, что она когда-либо существовала до момента, когда пробудилась от этого таинственного сна. “Словом, она была младенцем, только что родившимся, но родившимся в состоянии зрелости и способным наслаждаться богатыми, возвышенными и пышными чудесами сотворенной природы”.

Первой задачей ее образования было обучить ее тому, какими узами она связана с теми, кто ее окружал, и обязанностям, которые в связи с этим на нее ложились. Это она осваивала очень медленно и “по сути, так и не освоила; во всяком случае, она так никогда и не приняла узы кровного родства и едва признала узы дружбы. В людях, которых она когда-то знала, она видела по большей части чужих и врагов, в круг которых ее каким-то удивительным и необъяснимым образом переселили; из какого региона или состояния существования — оставалось при этом нерешенной проблемой”.

Следующей задачей было заново научить ее искусствам чтения и письма. Она была весьма способной и достигла столь быстрого прогресса в том и другом, что *в считанные недели* заново научилась читать и писать. При переписывании своего име-

ни, которое ее брат написал ей на первом уроке, она очень неуклюже взяла ручку и начала переписывать слово справа налево, на манер евреев, как если бы ее пересадили сюда из восточной почвы...

Следующая вещь, заслуживающая внимания, — это перемена, которая произошла в ее установке. На место меланхоличности пришла бьющая через край жизнерадостность. На место скрытности — веселость и общительность. Прежде неразговорчивая и застенчивая, она была теперь живой и игривой. Ее установка полностью и абсолютно изменилась. Хотя, находясь в этом втором состоянии, она экстравагантно наслаждалась компанией, гораздо больше она любила творения природы, явленные в лесах, холмах, долинах и водных потоках. Обычно утром она отправлялась на прогулку, пешком или верхом на лошади, и бродила до вечера, обходя всю округу; ее ничуть не заботило, шла ли она по дороге или по бездорожному лесу. Ее предрасположенность к этому образу жизни, возможно, была обусловлена ограничениями, которые неизбежно накладывались на нее присутствием ее друзей и заставляли ее считать их врагами, а не компаньонами, в силу чего она старалась держаться от них подальше.

Никакого страха она не знала, а так как в лесах было много медведей и пантер и всюду в изобилии водились гремучие змеи и медянки, то ее друзья говорили ей об опасности, которой она себя подвергает. Это, однако, не вызывало с ее стороны ничего кроме презрительного смеха. Она говорила: “Я знаю, вы только и хотите меня напугать и удержать дома, но это зря. Видела я этих ваших медведей и совершенно уверена, что это не более чем черные кабаны”.

Однажды вечером, вернувшись с ежедневной прогулки, она рассказала о следующем инциденте: “Когда сегодня я ехала верхом по узкой тропинке, большой черный кабан вышел из леса и встал передо мной. Такого наглого черного кабана я еще не видела. Он встал на задние ноги, оскалился и стал скрежетать зубами. Я не могла заставить коня сдвинуться с места. Я сказала ему, что он дурак, испугался какого-то кабана, и попыталась его подстегнуть, но он не шел и хотел повернуть назад. Я велела кабану убраться, но он меня не послушался. ‘Хорошо, — сказала я, — не хочешь словами, попробуем ударами’. Я спешила, взяла палку и пошла на него. Когда я подошла к нему достаточно близко, он встал на все четыре ноги и медленно и угрюмо побрел прочь, останавливаясь через каждые несколько шагов, оглядываясь на меня, скалясь и рыча. Тогда я села на коня и поехала дальше”...

Так продолжалось пять недель, пока однажды утром, после затяжного сна, она не пробудилась вновь самой собой. Она узнала родителей, братьев и сестер так, как если бы ничего не произошло, и сразу перешла к выполнению лежащих на ней обязанностей и всего, что было ею запланировано пятью неделями раньше. Изменению, которое вызвала (как она полагала) одна ночь, она была крайне удивлена. Природа выглядела несколько иначе. В уме ее не осталось и следа от головокружительных сцен, через которые она прошла. Ее блуждания по лесу, выходки и шутки начисто стерлись из ее памяти, не оставив после себя даже тени. Ее родители видели своего ребенка, братья и сестры — свою сестру. Теперь у нее было все знание, которым она обладала в первом своем состоянии, предшествовавшем перемене; оно было так же свежо и так же энергично использовалось, словно никакой перемены не было вовсе. Но все новые обретения, сделанные ею, и новые идеи, ею полученные, были теперь для нее потеряны — хотя не потеряны, а скорее отложены подальше от глаз для сохранения на будущее. Конечно, ее естественная установка при этом вернулась; от информа-

ции о случившемся меланхолия ее углубилась. Все продолжалось по-старому, была надежда, что таинственные происшествия этих пяти недель больше не повторятся, но этим упованиям не суждено было сбыться. Через несколько недель она впала в глубокий сон и проснулась во втором своем состоянии, подхватив свою новую жизнь ровно в той точке, в которой ее оставила, выйдя из этого состояния в прошлый раз. Теперь она не была дочерью или сестрой. Все знание, которым она обладала, было тем, которое она приобрела в недели своего прежнего пребывания во втором сознании. О промежуточном периоде она ничего не знала. Два периода, основательно разнесенные во времени, состыковались. Она думала, что это всего одна ночь.

В этом состоянии она достигла ясного понимания фактов своего случая — не из памяти, а из донесенных до нее сведений. И все ж бодрость духа была у нее так велика, что от этого не возникло никакой депрессии. Напротив, это только добавило ей приподнятости и стало, как и все прочее, поводом для веселья.

Эти чередования одного состояния и другого продолжались с разными по продолжительности интервалами в течение 15-16 лет, но в возрасте 35-36 лет, наконец, прекратились, оставив ее *навсегда в ее втором состоянии*. В нем она неизменно оставалась на протяжении последней четверти века своей жизни».

Эмоциональная противоположность двух состояний у Мэри Рейнольд при этом, судя по всему, постепенно стерлась: «Превращение из беспечной, истеричной, озорной женщины, любящей шутки и падкой на абсурдные мнения и ошибочные убеждения, в женщину, сохраняющую радостный настрой и любовь к обществу, охлажденные до практической полезности, было постепенным. На протяжении большей части тех 25 лет, что последовали далее, она настолько же отличалась от своего меланхолического, болезненного Я, как и от той веселости, что была у нее в ранние годы ее второго состояния. Кто-то из ее родных говорил об этом как о третьем ее состоянии. Ее описывают как становящуюся рациональной, трудолюбивой и очень жизнерадостной, но при этом разумно серьезной, как обладающую уравновешенным темпераментом и лишенную даже малейших признаков поврежденного или сколько-нибудь нарушенного ума. Несколько лет она учительствовала в школе, и в этом качестве она была полезной и приемлемой, став общей любимицей для старших и младших.

Эти последние 25 лет она жила в том же доме с преподобным д-ром Джоном В. Рейнольдсом, своим племянником, посвящая часть времени уходу за домом и проявляя здравость в суждениях и основательное знакомство с обязанностями своего положения.

Д-р Митчелл говорит: “Д-р Рейнольдс, все еще живущий в Мидвилле и любезно предоставивший в мое распоряжение факты, сообщает в письме ко мне от 4 января 1888 г., что в поздние годы жизни у нее, по ее словам, иногда как будто появлялась смутная, туманная мысль о призрачном прошлом, которую она не могла полностью ухватить, и что она не могла сказать наверняка, приходит ли она из частично восстановленной памяти или из того, что утверждали о событиях другие, когда она находилась в аномальном состоянии.

Мисс Рейнольдс умерла в январе 1854 г. в возрасте 61 года. Утром в день кончины она встала в своем обычном здоровом состоянии, съела свой завтрак и занялась домашними обязанностями. Находясь за этим занятием, она внезапно подняла руки к своей голове, воскликнула: ‘О! Интересно, что это происходит с моей головой!’ — и сразу упала на пол. Когда ее перенесли на диван, она пару раз вздохнула и умерла”».

В случаях вроде только что приведенного, где вторичный характер берет верх над первым, представляется разумным считать, что первый — нездоровый. Свойственные ему притупленность восприятия и меланхолия описываются словом «подавленность». Первоначальный характер Фелиды Х. был заторможенным и меланхолическим по сравнению с тем, который она позднее приобрела, и это изменение можно рассматривать как устранение торможений, сохранившихся с ранних лет. Всем нам знакомы такие торможения как временные состояния, когда мы не можем что-то вспомнить или как-то иначе распорядиться своими ментальными ресурсами. Систематизированные амнезии (потери памяти) у загипнотизированных, которым приказали забыть все существительные, все глаголы, какую-нибудь букву алфавита или все, что относится к какому-то человеку, — торможения того же рода, но более масштабные. Иногда они проявляются спонтанно как симптомы болезни (см. прим. 70).

Так, мсье Пьер Жане показал, что такие торможения, когда они оказывают влияние на некоторый класс ощущений (делая испытуемого нечувствительным к нему), а также на память о таких ощущениях, служат основой для изменений в личности. Нечувствительная и «амнестическая» истеричка — один человек; но когда вы восстанавливаете ее заторможенные восприимчивости и воспоминания, вводя ее в гипнотический транс, — иначе говоря, когда вы избавляете ее от их «диссоциированного» и отколотого состояния и делаете так, чтобы они воссоединились с другими восприимчивостями и воспоминаниями, — это уже другой человек.

Как выше уже говорилось (см. прим. 71), гипнотический транс — это один из методов восстановления восприимчивости при истериях. Однако в один прекрасный день, когда нечувствительная истеричка по имени Люси уже находилась в гипнотическом транс, мсье Жане по какой-то причине продолжил делать над ней пассы и делал это добрые полчаса, как если бы она не пребывала уже во сне. В результате она была введена в своего рода обморок, из которого по прошествии получаса она вышла во втором сомнамбулическом состоянии, совершенно не похожем на характеризовавшее ее до сих пор, короче говоря, с иными восприимчивостями, иной памятью, иной личностью. В состоянии бодрствования бедная молодая женщина была совершенно бесчувственной, почти глухой, с очень суженным полем зрения. Каким бы скверным, однако, ни было ее зрение, это было лучшее ее чувство, и она использовала его как направителя во всех своих движениях. Если глаза ей закрывали повязкой, она становилась совершенно беспомощной, и, подобно другим людям в схожем положении, случаи которых были зарегистрированы, она почти сразу впадала в сон вследствие устранения последнего чувственного стимула. Мсье Жане называет это бодрствующее, или первичное, состояние (вряд ли в подобных случаях можно сказать «нормальное») «Люси 1». В состоянии «Люси 2» — ее первом виде гипнотического транс — нечувствительности уменьшались, но не устранялись. В более глубоком транс, «Люси 3», вызываемом только что описанным способом, от них не оставалось и следа. Ее восприимчивость становилась идеальной, и вместо того чтобы являть нам крайний случай «визуального типа», она трансформировалась в тот, который в терминологии проф. Шарко известен как моторный. Иначе говоря, если при пробуждении она мыслила исключительно в визуальных терминах и могла представить вещи, только вспомнив, как они *выглядят*, то в этом более глубоком транс ее мысли и воспоминания казались мсье Жане состоящими по большей части из образов движения и осязания.

Открыв этот более глубокий транс и изменение личности у Люси, мсье Жане, естественно, страстно желал найти его и у других своих испытуемых. Он обнаружил его у Розы, Марии и Леони, а его брат Жюль Жане, бывший в больнице Сальпетриер интерном, обнаружил его у знаменитой испытуемой Вит..., трансы которой изучались в этом учреждении многие годы разными докторами, притом что никому из них так и не удалось пробудить эту очень особую индивидуальность (см. прим. 72).

При возвращении всех восприимчивостей в более глубоком трансэ эти испытуемые превращались, так сказать, в нормальных людей. В частности, их воспоминания становились более обстоятельными, и отсюда мсье Жане делает теоретическое обобщение. *Если у пациента с истерией*, говорит он, *устранить определенный род ощущений, то вместе с ним устраняется и всякое воспоминание о прошлых ощущениях этого рода*. Например, если вывести из действия слух, то пациент станет неспособным даже вообразить звуки и голоса и будет вынужден говорить (ежели речь еще возможна) при помощи моторных или артикуляторных сигналов. Если устранить моторное чувство, то пациент должен будет желать движений своих конечностей, сперва определяя их для своего ума в визуальных терминах, а иннервировать свой голос будет предварительными идеями того, как слова будут звучать. Практические следствия этого закона были бы велики, ведь все переживания, относящиеся к сфере восприимчивости, которая впоследствии становилась анестезированной, — например, к осязанию, — должны были бы храниться и вспоминаться в тактильных терминах и тотчас забывались бы, как только кожная и мышечная восприимчивость выключалась в ходе болезни. С другой стороны, память о них восстанавливалась бы сразу, как только возвращалось чувство осязания. Так вот у пациенток с истерией, с которыми проводил опыты мсье Жане, в состоянии трансэ возвращалось осязание. Вместе с этим возвращались и все виды воспоминаний, отсутствующие в обычном состоянии; затем они могли снова пропасть; и это объясняло многие иначе необъяснимые вещи в жизни этих людей. Например, одной из стадий в большом конвульсивном кризисе истероэпилепсии является то, что французы называют *phase des attitudes passionnelles*, когда пациентка, ничего не говоря и не отдавая себе отчета, проходит через внешние движения страха, ярости или какого-то другого эмоционального состояния. Обычно эта фаза у каждой пациентки настолько стереотипна, что выглядит автоматической, и выражались даже сомнения по поводу того, существует ли, пока она длится, хоть какое-нибудь сознание. Но когда у пациентки Люси при погружении в более глубокий трансэ вернулась тактильная восприимчивость, она объяснила истоки своего истерического кризиса большим испугом, испытанным однажды в детстве, когда какие-то мужчины, прятаясь за занавесками, выпрыгнули на нее оттуда; она поведала, что из раза в раз проходит через эту сцену во всех своих кризисах; она рассказала, как, будучи ребенком, ходила во сне по дому и как ее несколько месяцев держали взаперти в темной комнате из-за неполадок с глазами. Все это были вещи, о которых она по пробуждении ничего не помнила, так как в основном это были летописи переживаний движения и осязания.

Интересен случай Леони, пациентки мсье Жане. Он лучше всего показывает, как с восприимчивостями и моторными импульсами меняются воспоминания и характер.

«У этой женщины, жизнь которой больше похожа на невероятный роман, чем на подлинную историю, с трех лет были приступы естественного сомнамбулизма. С 16-летнего возраста ее гипнотизировали все кому не лень, и сейчас ей 45 лет. Если нормальная ее

жизнь разворачивалась одним путем в ее бедном деревенском окружении, то вторая ее жизнь проходила в гостиных и кабинетах врачей и естественным образом приобрела совершенно другое направление. Сегодня, находясь в своем нормальном состоянии, эта бедная крестьянка являет собой серьезную и довольно печальную личность, тихую и медлительную, очень мягкую с каждым и крайне застенчивую; глядя на нее, ни за что не заподозришь, какого персонажа она в себе таит. Но как только ее вводят в гипнотический сон, происходит метаморфоза. Ее лицо уже не то же самое. Правда, она держит глаза закрытыми, но их место занимает острота других ее чувств. Она весела, шумна, неутомима, иногда до невыносимости. Она остается добродушной, но приобретает особую склонность к иронии и резким шуткам. Нет ничего любопытнее, чем слушать, что она говорит, когда к ней приходят посторонние люди, желающие увидеть ее спящей. Она дает их словесный портрет, передразнивает их манеры, притворяется, что знает их маленькие смехотворные тайны и страстишки, и придумывает для каждого романтическую историю. К этой характеристике нужно добавить обладание необычайным множеством воспоминаний, о существовании которых она по пробуждении даже не подозревает, так как наступает полная амнезия... Она отказывается от имени Леони и берет имя Леонтина (Леони 2), к которому ее приучили первые магнетизеры. “Эта добрая женщина не я, — говорит она, — она слишком глупа!” Этой самой Леонтиной, или Леони 2, она приписывает все ощущения и все действия, одним словом, все осознанные переживания, претерпеваемые ею *в состоянии сомнамбулизма*; и она связывает их воедино, собирая историю ее уже долгой жизни. В свою очередь, Леони 1 [как мсье Жане называет бодрствующую женщину] она приписывает исключительным образом события, проживаемые в часы бодрствования. Сперва я был поражен одним важным исключением из правила и склонялся ко мнению, что в этом распределении ее воспоминаний есть что-то произвольное. В нормальном состоянии у Леони есть муж и дети; но Леони 2, сомнамбула, признавая детей своими, мужа атрибутирует “другой”. Этот выбор был, возможно, и объясним, но не следовал никакому правилу. Только потом я узнал, что ее ранние магнетизеры, столь же опрометчивые, как и некоторые гипнотизеры последнего времени, ввели ее для ее первых *родов* в сомнамбулический сон, и что при последующих родах она самопроизвольно входила в это состояние.

Таким образом, Леони 2 была совершенно права, приписывая детей себе: они были именно у нее, и правило, что ее первое трансовое состояние формирует другую личность, не было нарушено. Но то же самое с ее вторым, или самым глубоким состоянием транса. Когда после возобновляемых пассов, обморока и т.д. она достигает состояния, которое я назвал Леони 3, это опять совсем другая личность. Серьезная и мрачная, вместо того чтобы быть неутомимым ребенком, она медленно говорит и почти не движется. Опять же она отделяет себя от бодрствующей Леони 1. “Добрая, но довольно глупая женщина, — говорит она, — и это не я”. Она отделяет себя и от Леони 2. “Как можете вы видеть что-то от меня в этой безумной твари? — говорит она. — К счастью, я для нее ничто”».

Леони 1 знает лишь саму себя; Леони 2 — себя и Леони 1; Леони 3 знает себя и обеих других. У Леони 1 сознание визуальное; у Леони 2 — визуальное и слуховое; у Леони 3 — сразу и визуальное, и слуховое, и тактильное. Проф. Жане сначала думал, что это он открыл Леони 3. Но она рассказала ему, что часто бывала в этом состоянии и раньше. Один из прежних магнетизеров натолкнулся на нее точно так же, как и мсье Жане, когда пытался с помощью пассов углубить сон Леони 2.

«Это возрождение сомнамбулического персонажа, оставшегося под спудом на протяжении двадцати лет, довольно любопытно; и, разговаривая с Леони 3, я теперь естественно использую имя Леонора, которое было дано ей ее первым мастером».

Наиболее досконально изученный случай множественной личности — случай юноши-истерика Луи В., о котором написали книгу господина Бурру и Бюро (см. прим. 73). Симптомы слишком сложны, чтобы воспроизвести их здесь в деталях. Достаточно того, что Луи В. вел неупорядоченную жизнь — в армии, в больницах и в исправительных домах — и имел многочисленные истерические анестезии, параличи и контрактуры, атаковавшие его в разное время и когда он жил в разных местах. Когда в возрасте 18 лет он находился в сельском Исправительном доме, его укусила гадюка, что вызвало судороги и оставило *обе его ноги* на три года парализованными. В этом состоянии он был мягким, добропорядочным и трудолюбивым. Но в конце концов после долгого судорожного припадка его паралич вдруг исчез, а вместе с ним и его память обо всем том времени, в течение которого он продолжался. Характер его при этом тоже изменился: он стал вспыльчивым, прожорливым, дерзким, крал вино у своих товарищей и деньги у служителя, а в конце концов сбежал из учреждения и яростно дрался, когда его догнали и схватили. Позже, когда он впервые оказался под наблюдением авторов книги, его *правая сторона* была наполовину парализована и нечувствительна, а характер несносен; прикладывание металлов перемещало паралич в *левую* сторону, устраняло его воспоминания о другом состоянии и психически переносило его назад, в больницу Бисетр, где его лечили от схожего физического состояния. Его характер, мнения, воспитание — все претерпевало сопутствующую перемену. Он уже не был тем персонажем, каким был мгновением раньше. В скором времени оказалось, что любое наличное нервное расстройство у него можно временно устранить с помощью металлов, магнитов, электрических или иных ванн и т.д. и что любое прошлое расстройство можно вернуть при помощи гипнотического внушения. Кроме того, он переживал быстрое спонтанное повторение всей череды прошлых расстройств после каждого из судорожных припадков, которые время от времени у него случались. Было замечено, что каждое физическое состояние, в котором он себя обнаруживал, исключало некоторые воспоминания и приносило с собой определенную модификацию характера.

«Закон этих изменений, — говорят авторы, — совершенно ясен. Между телесным и ментальным состоянием существуют точные, постоянные и необходимые связи, такие, что невозможно изменить одно, не изменив при этом другое» (см. прим. 74).

По-видимому, случай этого изменчивого индивида должен прекрасно подтверждать закон мсье П. Жане, согласно которому анестезии и провалы в памяти идут бок о бок. Соединив закон Жане с законом Локка, гласящим, что изменения в памяти приносят изменения в личности, мы должны были бы получить явное объяснение по крайней мере некоторых случаев переменной личности. Но одна только анестезия не объясняет в достаточной мере тех изменений в диспозиции, которые, вероятно, обусловлены модификациями в восприимчивости моторных и ассоциативных путей, происходящими скорее в координации с модификациями сенсорных путей, нежели вследствие них. В сущности, достаточно взглянуть на другие случаи, нежели рассмотренный Жане, чтобы стало видно, что восприимчивость и память не входят в связку каким-то неизменным способом (см. прим. 75). Закон мсье Жане, верный для разбираемых им случаев, похоже, применим не для всех.

Конечно, будет не более чем гаданием поразмыслить о том, что может быть причиной амнезий, лежащих в основе изменений в Я. Говаривали, естественно, об изменениях в кровоснабжении. Д-р Виган уже давно в книге «Двойственность разума» предложил чередующееся действие двух мозговых полушарий. Я еще вернусь к этому объяснению после того, как рассмотрю третий класс изменений Я, а именно те, которые я назвал «одержимостью».

Совсем недавно мне довелось познакомиться с человеком, являющим нам случай переменной личности «амбулаторного» типа, и он разрешил мне рассказать о нем на этих страницах (см. прим. 76).

«Преп. Ансея Борна из Грина, шт. Род-Айленд, с малых лет готовили к плотницкому делу, но вследствие внезапной временной потери зрения и слуха, случившейся при очень своеобразных обстоятельствах, он незадолго до своего 13-летия обратился из атеизма в христианство и с тех пор вел по большей части жизнь странствующего проповедника. Почти всю жизнь его донимали головные боли и временные приступы душевной подавленности; было и несколько приступов бессознательного состояния, длившихся час или чуть меньше. Кроме того, у него была область несколько сниженной кожной чувствительности на левом бедре. Во всем прочем здоровье у него хорошее, а мышечная сила и выносливость превосходны. По складу это человек твердый и самостоятельный, из тех, у кого да означает да, а нет — нет; а его честность в привычной социальной среде такова, что никто из тех, кто его знает, даже на миг не допустит возможность того, что он не образец подлинности.

17 января 1887 г. он снял 551 доллар в банке в Провиденсе, которые намеревался заплатить за участок земли в Грине, оплатил кое-какие счета и сел в экипаж до Потакета. Это последний эпизод, который он помнит. В этот день он домой не вернулся, и два месяца о нем ничего не было слышно. В газетах объявили о его пропаже, подозревался злой умысел, полиция тщетно искала его местонахождение. Утром 14 марта, однако, в Норристауне, шт. Пенсильвания, мужчина, называвший себя Э. Дж. Браун, — который шесть недель назад арендовал здесь небольшой магазин, завез в него канцелярские принадлежности, кондитерские изделия, фрукты, всякую мелочь и вел свою тихую торговлю, не производя ни на кого впечатления неестественности или эксцентричности, — проснулся в испуге и стал расспрашивать людей в доме о том, где он находится. Он сказал, что его зовут Ансель Борн, что он знать не знает о Норристауне, совершенно несведущ в торговле и что последнее, что он помнит — и это, казалось, было только вчера, — что он снял деньги в банке и т.д. в Провиденсе. Он не верил, что с тех пор прошло два месяца. Люди сочли его сумасшедшим; то же самое подумал поначалу и д-р Луис Х. Рид, к которому они обратились с просьбой осмотреть его. Но когда в Провиденс послали телеграмму, в ответ пришли подтверждающие сообщения, а вскоре прибыл его племянник, м-р Эндрю Харрис, который уладил все дела и забрал его домой. Он был очень слаб, потерял за время своего побега по видимости более 20 фунтов веса и приходил в такой ужас от идеи кондитерской лавки, что отказывался даже зайти туда снова.

Первые две недели этого периода оставались необъясненными, так как после того, как он вдруг восстановил свою нормальную личность, у него не было никаких воспоминаний ни о какой части этого времени, а никто из тех, кто его знал, похоже, не видел его после его ухода из дома. Примечательной частью произошедшего изменения является, конечно, своеобразное занятие, которому посвятил себя так назы-

ваемый Браун. М-р Борн никогда в жизни не имел ни малейшего контакта с торговлей. “Браун” описывался соседями как молчаливый, аккуратный в своих привычках и никоим образом не странный. Он несколько раз ездил в Филадельфию, пополнял свои запасы, готовил для себя в подсобке, где также и спал, регулярно ходил в церковь, а однажды на молитвенном собрании выступил с хорошей, как сочли слушатели, речью, в ходе которой обратился к случаю, которому сам был свидетелем в своем естественном состоянии Борна.

Это все, что было известно об этом случае до июня 1890 г., когда я уговорил м-ра Борна подвергнуться гипнозу, дабы увидеть, не вернется ли к нему в гипнотическом трансе его “брауновская” память. Она и впрямь к нему вернулась, с удивительной готовностью, причем настолько, что оказалось совершенно невозможно заставить его, пока он пребывал под гипнозом, вспомнить какие-либо из фактов его нормальной жизни. Он слышал об Анселе Борне, но “не знал, встречался ли когда-нибудь с этим человеком”. Когда ему показали миссис Борн, он сказал, что “никогда раньше не видел эту женщину”, и т.д. С другой стороны, он рассказал о своих странствиях в течение потерянных двух недель (см. прим. 77) и привел различные детали норристанского эпизода. Все это было довольно прозаично, и брауновская личность представляется не чем иным, как довольно сморщенной, унылой и амнестической выжимкой самого м-ра Борна. Он не приводит для странствий никакого мотива, за исключением того, что у него были “проблемы” и он “хотел отдохнуть”. Во время транса он выглядит стариком, уголки его рта опущены, голос медленный и слабый, и он сидит, озираясь и тщетно пытаясь вспомнить, что было до и после двухмесячного брауновского опыта. “Я весь огорожен, — говорит он. — Не могу выйти ни с того края, ни с другого. Не знаю, что привело меня в этот экипаж на Потакет; не знаю, как я оставил тот магазин и что с ним стало”. Его глаза практически нормальны, и все его восприимчивости под гипнозом (если не брать заторможенность реакций) примерно такие же, как и в состоянии бодрствования. Я надеялся с помощью внушения и т.п. свести эти две личности в одну и сделать воспоминания непрерывными, но никакими ухищрениями сделать это не удалось, и череп м-ра Борна по сей день заключает в себе два отдельных личных Я.

Этот случай (содержится ли в нем эпилептический элемент или нет), видимо, следует классифицировать как спонтанный гипнотический транс, длившийся на протяжении двух месяцев. Своеобразие его в том, что в жизни этого человека ничего подобного больше не происходило и что из этого не возникло никакой эксцентричности характера. В большинстве схожих случаев приступы повторяются и восприимчивости и поведение заметно меняются» (см. прим. 78).

3) При «медиумизме», или «одержимостях», вторжение и исчезновение вторичных состояний происходят относительно внезапно, и длительность таких состояний обычно невелика, от нескольких минут до нескольких часов. Когда бы вторичное состояние ни развивалось в достаточной степени, память о том, что во время них происходило, по возвращении первичного состояния не сохраняется. Во время вторичного сознания субъект говорит, пишет или действует так, как если бы им двигало чужеродное лицо, и часто называет это чужеродное лицо и приводит его историю. В старые времена чужеродной «волей» обычно был демон; так и до сих пор обстоит дело в сообществах, где лелеют эту веру. У нас он выдает себя, на худой конец, за индейца или иного гротескно говорящего, но безвредного персонажа. Обычно он

претендует на то, что он дух умершего, известного или неизвестного присутствующим; субъекта же в этом случае мы называем «медиумом». Медиумическая одержимость во всех ее степенях, по всей видимости, образует совершенно естественный особый тип переменной личности, и подверженность ей в той или иной форме никоим образом не является необычным даром у людей, не имеющих никаких других нервных аномалий. Феномены эти очень сложны и только начинают исследоваться надлежащим научным образом.

Низшая фаза медиумизма — автоматическое письмо, и низшую его ступень мы видим там, где Субъект знает, какие слова приходят, но чувствует себя вынужденным записывать их как бы извне. Затем идет неосознанное письмо, хотя бы такое, какое возникает при погруженности в чтение или разговор. Возникающие в порыве вдохновения пламенная речь, игра на музыкальных инструментах и т.д. тоже относятся к относительно низшим фазам одержимости, в которых нормальное Я не исключается из осознанного участия в исполнении, хотя их инициация кажется приходящей откуда-то извне. В высшей фазе мы видим полный транс: меняются голос, язык, вообще все, и никакого следа в памяти от этого не остается вплоть до наступления следующего транса.

Одной из любопытных особенностей речей в трансовом состоянии является их родовое сходство у разных индивидов. Влияющей «силой» у нас в Америке является либо гротескный, вульгарный и ветреный персонаж (избыточно обычны тут «индейские» силы, называющие женщин «скво», мужчин — «воинами», дом — «вигвамом» и т.д. и т.п.), либо, если она более высокого интеллектуального полета, это персонаж, предающийся курьезно туманной оптимистической болтовне, в которой постоянно фигурируют фразы о духе, гармонии, красоте, законе, прогрессе, развитии и т.д. Слово больше половины этих трансовых посланий сочинил один автор и неважно, кем они произносятся.

Обладают ли все подсознательные Я особой чувствительностью к определенному слою *Zeitgeist*, черпая свое вдохновение из него, я не знаю; но это явно относится к тем вторичным Я, которые «развиваются» в спиритуалистических кругах. В них начало медиумического транса неотличимо от эффектов гипнотического внушения. Субъект принимает роль медиума просто потому, что в наличных условиях мнение окружения ожидает от него этого, и воплощает ее в жизнь беспомощно или ярко в зависимости от своей сценической одаренности. Но вот что странно: люди, незнакомые со спиритуалистическими традициями, будут при вхождении в транс очень часто действовать так же — говорить от имени умерших, проходить через движения их особых смертельных агоний, передавать сообщения об их счастливом пристанище в стране вечного лета и описывать болезни присутствующих. У меня нет теории подобных случаев, которую можно было бы опубликовать, но некоторые из них я видел воочию.

Пример сеанса автоматического письма я приведу из описания собственного случая, любезно предоставленного мне м-ром Сиднеем Дином из Уоррена, шт. Род-Айленд, членом Конгресса от штата Коннектикут с 1855 по 1859 г., который всю жизнь был энергичным, деятельным журналистом, писателем и человеком дела. Он много лет практиковал опыты с письмом, и у него скопилось большая коллекция автоматически созданных рукописей.

«Некоторые из них, — пишет он нам, — выполнены иероглифами или странными составными знаками, каждая серия обладает видимым единством с точки зрения

общего плана или характера, и после каждой следует что-то вроде перевода или переложения на родной английский. Я никогда не делал попыток, по всей видимости, невозможного подвига скопировать иероглифы. Они рисовались с точностью, достойной инструмента гравера, обычно одним быстрым движением карандаша. Тут явно представлено множество языков, некоторые устаревшие и канувшие в прошлое. Увидев их, вы убедитесь, что никто не мог бы скопировать их, кроме как перерисовав под копирку.

Но это лишь малая часть обсуждаемых феноменов. “Автоматическое” уступило место *импрессионистическому*; когда все это делается, я нахожусь в нормальном состоянии, а на практике в дело вовлечены как будто два ума, два интеллекта, две личности. Письмо находится в ведении моей руки, а вот диктовка исходит не от моих ума и воли, а от ума и воли другого, на темы, в которых я совершенно несведущ и относительно которых у меня вряд ли есть какая-то теория; и я — я сам — сознательно критикую мысль, факт, способ его выражения и т.д., в то время как рука регистрирует содержание и даже слова, воображающиеся мне для записи. Если я отказываюсь записать предложение или даже слово, впечатление мгновенно прерывается, так что моя готовность должна быть ментально выражена прежде, чем работа будет завершена, а завершается она в точке прерывания, пусть даже и посреди предложения. Когда предложения начинаются, я не представляю, о чем они будут и как они закончатся. Фактически, я никогда заранее не знал предмет исследования.

Сейчас пишется, время от времени, не подчиненная моей воле серия из 24 глав, посвященная научным особенностям жизни — моральной, духовной, вечной. Семь из них уже написаны указанным образом. Им предшествовали 24 главы, посвященные в целом жизни по ту сторону физической смерти, ее характеристикам и т.д. Каждая глава подписана именем какого-то человека, жившего на земле; с некоторыми из этих людей я был лично знаком, другие были известны из истории... Я ничего не знаю о предполагаемом авторстве главы, пока она не будет завершена, а имя автора — внушено впечатлением и добавлено... Меня интересует не только предполагаемое авторство — для которого у меня нет никаких подтверждений, — но и передаваемая через эти тексты философия, относительно которой я пребывал в полном неведении, пока не появились эти главы. С моей жизненной позиции — а это библейская ортодоксия, — эта философия нова, кажется разумной и логично изложена. Признаюсь, к собственному удовлетворению, в том, что неспособен успешно ее оспорить.

Пишет ведь некое разумное *эго*; иначе говоря, влияние приобретает индивидуальность, и последняя делает влияние практически личностью. Это *не* я сам, и я знаю его на каждой ступени процесса. Также я проштудировал всю область утверждений о так называемой “бессознательной работе мозга”, насколько я компетентен критически в ней разобраться, и как теория она в бесчисленных моментах неприменима к странной работе, которая протекает через меня. Гораздо резоннее и удовлетворительнее для меня было бы принять глупую гипотезу реинкарнации — старую доктрину метемпсихоза, — как ее преподносят некоторые нынешние спиритуалисты, и думать, что я прожил здесь прошлую жизнь и иногда она овладевает моими умственными способностями и пишет главы о философии жизни, или открывает почтовый ящик для духов, куда они могли бы бросить свои излияния, преобразовав их в англ-

лийское письмо. Но нет: простейшее и самое естественное решение для меня — принять выдвигаемую претензию, что все это пишет развоплощенный интеллект. Но *кто*? Вот в чем вопрос. Имена ученых и мыслителей, некогда живших, прикрепляются к самому неграмотному и слабейшему *вздору*...

Мне представляется разумным — исходя из гипотезы, что это личность, использующая ум или мозг другого, — что в сообщении должны быть более или менее воплощены стиль или тон этого другого, а незримой личности, т.е. силе, производящей впечатление, принадлежат не стиль или тон, а мысль, факт или философия. Например, в то время как влияние с величайшей силой и быстротой впечатляет мой мозг, так что мой карандаш буквально летит над бумагой, записывая мысли, я сознаю, что во многих случаях переносчик мысли, а именно язык, совершенно естествен и знаком мне, как если бы *моя* личность как писательница смешалась каким-то образом с передаваемым сообщением. И опять-таки стиль, язык, вообще все совершенно чуждо моему собственному стилю».

Лично меня богатое знакомство с трансами одной женщины-медиума убеждает в том, что контролирующая «сила» может совершенно отличаться от любого *возможного* бодрствующего человеческого Я. В случае, который я имею в виду, она изображает себя одним умершим французским доктором; и, убежден, ей знакомы факты, касающиеся обстоятельств, живых и умерших родственников и знакомых, бесчисленных сиделок, коих она никогда раньше не встречала и имен которых не слышала. Я привожу здесь свое мнение, не подкрепленное никакими данными, конечно, не для того чтобы обратить кого-то в свои взгляды, но лишь потому что убежден, что серьезное изучение этих трансовых явлений есть одна из величайших потребностей психологии, и думаю, что мое личное признание, возможно, вовлечет хотя бы одного или пару читателей в область, которой *soidisant* [так называемый] «ученый» обычно отказывает в исследовании.

Многие люди нашли убедительными для их умов свидетельства, что в каких-то случаях контролирующая сила действительно является отошедшим в иной мир духом, коим она претендует быть. Но эти феномены так плавно переходят в случаи, когда это явно абсурдно, что велико предубеждение (совершенно отличное от априорного «научного» предрассудка) против того, что это истина. Случай Луранси Веннем — пожалуй, самый крайний случай «одержимости» современного типа, какой только можно найти (см. прим. 79). Это была юная девушка 14 лет, жившая в Уотсеке, шт. Иллинойс, со своими родителями, которая (после различных внушающих беспокойство истерических расстройств и спонтанных трансов, во время которых она была одержима более или менее гротескными духами умерших) объявила наконец, что в нее вселился дух Мэри Рофф (соседской дочки, умершей 12 годами ранее в психиатрической лечебнице), и требовала, чтобы ее отвезли «домой» в дом м-ра Роффа. После недели «тоски по дому» и настояний с ее стороны родители согласились, и Роффы, жалевшие ее и бывшие вдобавок к тому спиритуалистами, приняли ее у себя. Едва попав туда, она, похоже, убедила семью, что их покойная Мэри поменялась обиталищами с Луранси. Были заявлено, что Луранси временно находится на небесах, а дух Мэри овладел ее телом и вновь живет в своем прежнем земном доме.

«Находясь теперь в своем новом доме, девушка выглядела совершенно счастливой и довольной, зная в нем каждого человека и все, что знала Мэри, будучи от 25 до

12 лет назад в своем исходном теле; она узнавала и звала по именам тех, кто был друзьями и соседями этой семьи с 1852 по 1865 г., когда Мэри умерла, привлекала внимание к десяткам и сотням мелких эпизодов, происходивших во время ее естественной жизни. В течение всего периода проживания в доме мистера Роффа она совершенно не знала и не узнавала никого из семьи мистера Веннема и их друзей или соседей. Миссис и мистер Веннемы все же навещали ее и семью мистера Роффа. Им ее представили как посторонним людям. После их частых посещений, часто слушая их и слыша о них лестные отзывы, она научилась любить их как знакомых и три раза ездила к ним в гости вместе с миссис Рофф. Изо дня в день она выглядела естественной, непринужденной, приветливой, работающей, со всем вниманием относясь к своим домашним обязанностям, старательно и честно выполняя их и помогая общей работе семьи так, как это делала бы верная, достойная дочь; она пела, читала и говорила, когда предоставлялась возможность, обо всех предметах частного и общего интереса семьи».

В течение пребывания в доме Роффов так называемая Мэри иногда «возвращалась на небеса» и оставляла тело в «спокойном трансе», т.е. без возвращения исходной личности Луранси. По прошествии восьми или девяти недель, однако, память и манеры Луранси стали иногда на несколько минут частично, но не полностью, возвращаться. Однажды Луранси, похоже, на короткое время полностью овладела телом. Наконец, когда прошло примерно 14 недель, «Мэри», в соответствии с пророчеством, сделанным ею, когда она впервые обрела «контроль» над телом, решительно удалилась, и сознание Луранси вернулось уже навсегда. М-р Рофф пишет:

«Она пожелала, чтобы я отвез ее домой, что я и сделал. Она называла меня мистером Роффом и говорила со мной как молодая девушка, с которой мы не были знакомы. Я спросил ее, как она воспринимает вещи, кажутся ли они ей естественными. Она сказала, что все видится ей как во сне. Со своими родителями и братьями она встретила ласково, со слезами радости на лице, обняла и поцеловала каждого. Она надолго крепко обняла отца, покрывая его поцелуями. Я только теперь увидел ее отца (в 11 часов). Он говорит, что она была совершенно естественной и выглядит совершенно здоровой».

Спустя два месяца мать Луранси пишет, что она была «совершенно и полностью здоровой и естественной. Две или три недели после возвращения домой она казалась немного странной по сравнению с тем, какой была до того, как заболела прошлым летом, но, может быть, с девочкой произошло всего лишь естественное изменение, разве что ей казалось, что она грезит или спит и т.д. Луранси стала краше, умнее, более работающей, женственной и вежливой, чем раньше. Мы ставим ее полное исцеление и восстановление в заслугу ее семье, д-ру Э.У. Стивенсу и мистеру и миссис Роффам, которые обеспечили ей переезд в дом мистера Роффа, где ее лечение было завершено. Мы твердо верим, что, останься она дома, она бы умерла, либо нам пришлось бы отправить ее в лечебницу для умалишенных, где она тоже умерла бы; кроме того, я не могла бы долго прожить с теми заботами и трудностями, которые на меня обрушились. Некоторые из родных Луранси, включая нас, верят теперь, что она была исцелена духовной силой и что девочку контролировала Мэри Рофф».

Восемь лет спустя было сообщено, что Луранси вышла замуж, стала матерью и пребывает в добром здравии. Она явно переросла медиумическую фазу своего существования (см. прим. 80).

Относительно состояния восприимчивости во время этих приступов сделано мало наблюдений. У двух автоматических писарей я обнаружил, что руки во время акта были лишены чувствительности. В двух других случаях я выяснил, что этого не было. Обычно автоматическому письму предшествуют стреляющие боли в нервах плеча и предплечья и нерегулярные сокращения плечевых мышц. У одной женщины-медиума язык и губы, как я обнаружил, были явно нечувствительны к булавочным уколам во время ее (словесного) транса.

Если задуматься над состоянием мозга во время всех этих превращений личности, то мы увидим, что нужно предположить способность личности успешно изменять все свои способы действия и временно отказываться от использования целых наборов хорошо организованных ассоциативных путей. Никаким другим образом нельзя объяснить потерю памяти при переходе из одного альтернативного состояния в другое. Кроме того, мы должны еще признать, что организованные системы путей могут выскочить из сцепления с другими, так что процессы в одной системе будут рождать одно сознание, а процессы в другой системе — другое *одновременно* существующее сознание. Только так мы сможем понять факты автоматического письма и т.д., когда пациент выходит из транса, и ложные анестезии и амнезии истерического типа. Но какой именно род диссоциации может означать фраза «выскочить из сцепления», мы не можем даже гадать; я полагаю только, что нам не следует говорить об удвоении Я так, как если бы оно состояло в неудаче соединения определенных систем *идей*, которые обычно соединяются. Лучше говорить об обычно сочетающихся *объектах*, которые теперь разделены между двумя «Я» в рассматриваемых истерических и автоматических случаях. Каждое из этих Я обусловлено независимо действующей системой церебральных путей. Если бы мозг заработал нормально и разделенные системы вновь сошлись воедино, мы в результате получили бы новую склонность сознания в форме третьего «Я», отличного от других двух, но знающего их объекты вместе. — После всего сказанного мною в последней главе это вряд ли нуждается в дополнительных пояснениях.

Некоторые особенности низших автоматических исполнений наводят на мысль, что системы, выведенные из сцепления друг с другом, содержатся одна в правом полушарии, а другая — в левом. Например, субъекты часто пишут задом наперед, переставляют местами буквы или создают зеркальное письмо. Все это симптомы аграфических расстройств. У большинства людей левая рука, отданная естественному порыву, будет производить зеркальное письмо легче, чем естественное. М-р Ф.У.Х. Майерс напирает на эти аналогии (см. прим. 81). Он также обратил внимание на типичный низший моральный тон обычного письма на дощечках, используемых в спиритизме.

Согласно принципам Хьюлинга Джексона, левое полушарие, будучи более развитым органом, в обычные времена тормозит активность правого; но м-р Майерс предполагает, что во время автоматических исполнений обычное торможение может быть устранено, и правое полушарие высвобождается для всецело самостоятельного действия. Весьма вероятно, что в какой-то степени так оно и есть. Однако грубое объяснение «двух» Я «двумя» полушариями, конечно же, далеко от мысли м-ра Майерса. Этим Я может быть больше двух, и мозговые системы, используемые отдельно для каждого, следует мыслить как мельчайшими способами взаимодействующие друг в друга.

Выводы

Подведем итоги этой большой главы. Сознание Я подразумевает поток мышления, каждая часть которого как «I» может 1) помнить те, которые шли раньше, и знать вещи, которые они знали, и 2) выделять и превыше всего беречь некоторые из них как «те» и присваивать им все остальное. Ядро «те» — это всегда телесное существование, ощущаемое как присутствующее в данное время. Какие бы вспоминаемые-прошлые-чувства ни *напоминали* это наличное чувство, все они считаются принадлежащими тому же *те*, что и оно. Какие бы другие вещи ни воспринимались как *ассоциированные* с этим чувством, все они считаются составляющими часть опыта этого *те*; и среди них есть некоторые (в большей или меньшей степени меняющиеся), которые считаются *конституирующими* это *те* в более широком смысле, — такие как одежда, материальное имущество, друзья, почести и уважение, которые этот человек получает или может получить.

Это *те* есть эмпирический агрегат объективно знаемых вещей. *I*, которое их знает, само по себе не может быть агрегатом; в то же время в психологических целях нет нужды рассматривать его как неизменную метафизическую сущность, вроде Души, или принцип, вроде чистого Эго, видимые как нечто «вневременное». Это *Мысль*, каждый момент отличающаяся от Мысли прошлого момента, но *апроприрующая* последнюю вместе со всем тем, что последняя называет своим собственным. Все факты опыта находят свое место в этом описании, не обремененном никакими гипотезами кроме гипотезы существования текущих мыслей, или состояний ума. Один и тот же мозг может обслуживать много сознательных Я, сменяющих одно другое или сосуществующих; но какими модификациями в его действии это поддерживается и не вторгаются ли здесь сверхмозговые условия — на эти вопросы ответить пока невозможно.

Если кто-то скажет, что я не привожу никаких *оснований* того, почему последовательно протекающие мысли должны наследовать владения друг друга или почему они и состояния мозга должны быть функциями друг друга (в математическом смысле), то я отвечу, что основание, если таковое есть, должно крыться там, где кроются все реальные основания, а именно в целостном смысле или значении мира. Если такое значение или что-либо близкое к нему есть (а мы должны верить, что есть), то только оно одно сможет прояснить для нас, почему такие конечные человеческие потоки мышления вызываются к жизни в такой функциональной зависимости от мозга. Это равнозначно тому, что специальная естественная наука *психология* должна остановиться на сугубо функциональной формуле.

Если текущая мысль — это напрямую верифицируемое существующее, что ни одна школа до сих пор не ставила под сомнение, то эта мысль сама и есть мыслящий, и психологии не нужно смотреть дальше этого. Единственным путем, который я вижу для внесения в картину более трансцендентального мыслящего, было бы *отрицание* того, что у нас вообще есть *прямое* знание мысли как таковой. Существование последней свелось бы тогда к постулату, гласящему, что *должен быть* некий *знающий*, соотносящийся со всем *знаемым*, и проблема того, *кто такой этот знающий*, стала бы метафизической проблемой. Как только вопрос оказывается поставлен в таких терминах, спиритуалистское и трансценденталистское решения должны быть рассмотрены как *prima facie* стоящие в одном ряду с нашим психологическим решением и должны быть беспристрастно обсуждены. Но это выводит нас за рамки психологической, или натуралистической точки зрения.

Примечания

28. См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая, часть 4, гл. 6. Цит. в пер. С.И. Церетели по изданию: Юм Д. Сочинения в двух томах. — 2-е, дополн. и испр. изд-е. — М.: Мысль, 1996. — Т. 1. — С. 297-299. Курсив У. Джеймса. — *Прим. пер.*

29. Приложение к книге первой «Трактата о человеческой природе» Юма. Цит. по: Юм Д. Указ. соч. — С. 326. Курсив У. Джеймса. — *Прим. пер.*

30. См. р. 196 и далее в оригинале книги.

31. Гербарт верил в Душу; но у него «Я», которое мы «сознаем», — эмпирическое Я, не душа.

32. Ср. с замечаниями на р. 158-162 в оригинале книги.

33. Thompson D.G. *A System of Psychology*. — L.: Longmans, Green & Co., 1884. — P. 114.

34. «Отдельных только для наблюдения», — добавляет он. Для чьего наблюдения? Стронного психолога, самого Эго, их собственного или доски? *Darauf kommt es an!* [*нем.* Вот что важно!].

35. Mill J. *Analysis of the Phenomena of the Human Mind / A New Edition with Notes Illustrative and Critical by A. Bain, A. Findlater and G. Grote; Edited with Additional Notes by J.S. Mill*. — 2 vols. — L.: Longmans, Green Reader & Dyer, 1869. — Vol. 1. — P. 331. Выражение «так сказать» восхитительно характерно для этой школы.

36. Mill J. *Analysis...* — Vol. 2. — P. 175.

37. Mill J.S. *An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy*. — 4th ed. — L.: Longmans, 1872. — P. 263.

38. Его глава, посвященная психологической теории ума, — показательный пример, и уступки, сделанные им в ней, стали настолько знаменитыми, что их для блага читателей стоит здесь привести. Он завершает главу следующими словами: «Следовательно, теория, разлагающая ум на ряд чувствований, фоном которого служат возможности чувствования, может действительно устоять перед самыми возмутительными доводами, направленными против нее. Но как бы ни были беспочвенны внешние возражения, есть в этой теории и внутренние, присущие ей самой трудности, которые мы здесь не излагали и которые, как мне кажется, метафизический анализ не в силах устранить...

Нить сознания, составляющая феноменальную жизнь ума, образуется не только из наличных ощущений, но также, отчасти, из воспоминаний и ожиданий. Но что это такое? Сами по себе они суть наличные чувствования, состояния текущего сознания, и в этом отношении они неотличимы от ощущений. Более того, они схожи с некоторыми данными ощущениями, или чувствованиями, которые мы раньше имели в опыте. Однако внимаем мы им с той особенностью, что каждое из них заключает в себе веру в большее, чем его собственное наличное существование. Ощущение заключает в себе только это, тогда как воспоминание ощущения, даже оставаясь не соотношенным ни с какой конкретной датой, заключает в себе предположение и веру в то, что ощущение, копией или репрезентацией которого оно является, действительно существовало в прошлом, а ожидание заключает в себе более или менее позитивную веру в то, что ощущение или иное чувствование, к которому оно прямо отсылает, будет существовать в будущем. И феномены, заключенные в этих двух состояниях сознания, нельзя выразить адекватно, не сказав о включенной в них вере в то, что у меня самого в прошлом были или у меня самого, не у кого-то другого, когда-то будут вспоминаемые или ожидаемые ощущения. Принимаемый на веру факт состоит в том, что эти ощущения действительно составляли в прошлом или составят в будущем часть самождественной серии состояний, или нити сознания, наличествующей ныне частью которой является это воспоминание или ожидание. Следовательно, если мы говорим об уме как о серии чувствований, то мы обязаны довести это утверждение до конца, назвав его серией чувствований, которая сознает себя как прошлую и будущую; и мы приходим к альтернативе — либо считать, что ум, или Эго, есть нечто отличное от любой серии чувствований или их возможностей, либо принять парадокс, что нечто, являющееся гипотетически всего лишь серией чувствований, может сознавать себя как такую серию.

Истина заключается в том, что здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с той конечной необъяснимостью, к которой, как подмечает сэр У. Гамильтон, мы неизбежно приходим, когда достигаем предельных фактов; и, вообще говоря, один способ установления этого оказывается всего лишь более непонятным, чем другой, потому что целое человеческого языка приспособляется к одному из них и настолько не соотнобразуется с другим, что эту истину нельзя выразить ни в каких терминах, которые бы не отрицали ее истинность. Действительный камень преткновения заключен, вероятно, не в какой-либо теории факта, а в факте как таковом. Подлинная непостижимость кроется, видимо, в том, что нечто исчезнувшее или еще не существующее может все-таки каким-то образом присутствовать в настоящем, что серия чувствований, бесконечно преобладающая часть которой является прошлой или будущей, может быть собрана, так сказать, в простую текущую концепцию, сопровождаемую верой в ее реальность. Думаю, самое мудрое, что мы можем сделать, — это принять этот необъяснимый факт без всякой теории относительно того, каким образом он имеет место, и, когда нам приходится говорить о нем в терминах, подразумевающих теорию, использовать эти термины с оговоркой касательно их смысла» (Loc. cit. — P. 247).

Далее в книге, рассуждая в одном месте о том, чего можно справедливо требовать от теоретика, Милль говорит: «Он не вправе формировать теорию исходя из одного класса феноменов, распространять ее на другой класс, к которому она неприменима, и извинять себя тем, что если он не может сделать ее применимой, то это потому, что необъяснимы конечные факты» (Loc. cit. — P. 561). Классом феноменов, который берет ассоциационистская школа для формирования своей теории Эго, являются чувствования, не осознающие друг друга. Классом феноменов, который представляет Эго, являются в свою очередь чувствования, позднейшие из которых интенсивно сознают те, которые им предшествовали. Эти два класса не «стыкуются» друг с другом, и никакое упражнение в изобретательности не сможет их состыковать. Никакая *перестановка* несознающих чувствований не может сделать их сознающими. Чтобы получить осознание, мы должны открыто его допустить, постулировав новое чувствование, которое им обладает. Это новое чувствование — никакая не «Теория» этих феноменов, а просто их утверждение; поэтому я и постулирую в этом тексте текущую преходящую Мысль как психического интегратора, у которого есть знание многого того, что произошло раньше.

39. См. p. 275 и далее в оригинале книги.

40. Kant I. *Kritik des reinen Vernunft*. — 2te Aufl. — § 17. (Цит. в пер. Н. Лосского по изданию: *Кант И. Критика чистого разума*. — М.: Мысль, 1994. — С. 102.)

41. § 16. (Цит. по: *Кант И. Указ. соч.* — С. 101.)

42. Отдавая должное сказанному выше (p. 274 и далее в книге), надобно отметить, что ни Кант, ни его последователи нигде не проводили различие между *присутствием* осуществляющего апперцепцию Эго перед комбинированным объектом и *осознанием* этим Эго собственного присутствия и своей отдельности от того, что схватывается им в апперцепции. То, что объект должен быть знаемым для чего-то такого, что *мыслит*, и то, что он должен быть знаемым для чего-то такого, что *мыслит, что оно мыслит*, трактуется у них как две тождественные необходимости — по какой логике, неясно. Кант пытается смягчить этот скачок в рассуждении, говоря, что мышлению *самого себя* со стороны Эго достаточно быть *потенциальным*: «я мыслю» должно *быть способно* к сопровождению всего прочего знания». Но мысль, являющаяся лишь потенциальной, в действительности не мысль вообще, и это ставит крест на его попытке.

43. § 25. (Цит. по: *Кант И. Указ. соч.* — С. 113.)

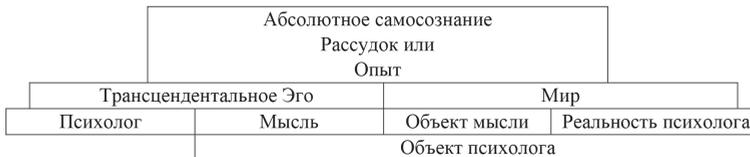
44. «О паралогизмах чистого разума». (Цит. по: *Кант И. Указ. соч.* — С. 243.)

45. См. p. 276 и далее в оригинале книги.

46. «Итак, что касается души, или “я”, “мыслящего”, то все наступление Канта на Юма и чувственную психологию направлено на демонстрацию того, что субъект знания является *Агентом*» (Morris G.S. *Kant's Critique of Pure Reason*. — Chicago: S.C. Griggs and Co., 1882. — P. 224).

47. «В “Пролегоменах” Канта, — говорит Г. Коген (сам я не нахожу этой цитаты), — открыто говорится, что проблема не в том, чтобы показать, как возникает (entsteht) опыт, а в том, из чего он состоит (besteht)» (Cohen H. *Kants Theorie der Erfahrung*. — Berlin: Ferd. Dümmler, 1871. — S. 138).

48. Контраст между достигнутым таким образом Монизмом и нашей психологической точкой зрения можно схематично представить следующим образом. Термины в четырех ячейках обозначают то, что мы берем как конечные нередуцируемые данные психологической науки, а связи сверху символизируют редукции, осуществляемые послекантовским идеализмом.

Эти редукции объясняют вездесущность «ошибки психолога» (кн. II, гл. 1, p. 32) в современных монистических сочинениях. Для нас это непростительный логический грех — говоря о знании, коим обладает мысль (будь то знание объекта или самой себя), менять без предупреждения термины и, подменив его знанием психолога, продолжать вести себя как ни в чем не бывало, как если бы мы продолжали говорить о том же самом. Для монистического идеализма же это само освобождение философии, и, разумеется, этому нельзя слишком потворствовать.

49. Green T.H. *Prolegomena to Ethics*. — Oxford: Clarendon Press, 1884. — §§ 57, 61, 64.

50. Loc. cit. — § 64.

51. Caird E. *Hegel*. — Philadelphia: J.B. Lippincott, 1883. — P. 149.

52. Строки из поэмы А. Теннисона «Памяти А.-Г. Х.» (ст. VII), приводятся в пер. Эммы Соловковой. См.: http://samlib.ru/s/solowkowa_e_a/inmemoriamahh.shtml — *Прим. пер.*

53. Почти склоняешься к тому, чтобы поверить, что пантомимное состояние разума и такое же состояние гегелевской диалектики, с эмоциональной точки зрения, суть одно и то же. В пантомиме все обычные вещи представляются происходящими невозможными способами: люди прыгают на горло друг другу, дома выворачиваются наизнанку, старухи становятся молодыми мужчинами, все с немислимой быстротой и ловкостью «переходит в свою противоположность»; и это, не вызывая даже малейшего недоумения, приводит ум зрителя в восторг. Так же и в гегелевской логике: связи, во всех прочих случаях узнаваемые под неброским именем различий (как то между познающим и объектом или многим и одним), должны быть сначала преобразованы в невозможности и противоречия, а затем чудом «превзойдены» и идентифицированы, пока не появится должный настрой для того, чтобы власть насладиться разыгранным ими спектаклем.

54. Читатель благосклонно поймет, что я вполне готов оставить гипотезу трансцендентального Эго как замену текущей Мысли открытой для обсуждения на *общих спекулятивных основаниях*. Только в этой книге я предпочитаю придерживаться идущего от здравого смысла допущения, что у нас есть последовательные сознательные состояния; ведь так поступают все психологи, и непонятно, как может вообще быть написана Психология, не постулирующая такие мысли как свои конечные данные. Данные всех естественных наук становятся поочередно предметами более утонченного критического рассмотрения, чем то, которое предоставляют сами науки; это может в итоге случиться и с нашей преходящей Мыслью. Мы и сами видели (см. р. 299–305 в оригинале книги), что *чувственная* определенность ее существования не столь прочна, как это обычно предполагается. Мой спор с трансцендентальными Эгоистами идет в основном по поводу их *оснований* для их веры. Предлагали ли они ее настойчиво как *замену* текущей Мысли или последовательно *отрицали существование последней*, я должен с уважением отнестись к их позиции. Но насколько я могу их понять, обычно они верят и в текущую Мысль тоже. Они, кажется, даже верят в локковский поток разрозненных идей, поскольку главная слава Эго на страницах их работ всегда кроется в его способности «превзойти» эту разрозненность и объединить естественно разбедненное: говоря о *«синтезировании»*, *«соединении»* или *«связывании»* идей *воедино*, трансценденталисты используют эти слова как синонимы для обозначения *одновременного познания различных объектов*. В нашей психической жизни не сознание вообще, а сознание *многих вещей вместе* считается той трудной задачей, с которой может справиться только чудом работающее Эго. Но на каких же скользких основаниях достигается тот момент, когда определенное понятие *познания объекта* заменяется на совершенно смутное понятие *объединения, или синтезирования идей* различных его частей! – В главе об Ощущении мы еще раз вернемся к этому.

55. «Когда мы сравниваем равнодушную бездельность младенца, дремлющего с момента, когда он съел свою молочную пищу, до момента, когда он просыпается, чтобы потребовать ее снова, с неутомимой энергией того могучего существа, коим он должен стать в зрелые годы, излучая в мир с быстрой и ослепительной расточительностью истину за истиной или держа в своей руке судьбы империй, как мало сходств мы можем при этом проследить у младенца со всем тем интеллектом, который проявляет себя впоследствии, как мало видно сверх того, что придает незаметное движение простой механике жизни!.. Каждый возраст, если можно говорить о многих возрастах в недолгой жизни человека, похоже, отмечен особым характером. В каждом есть свои особые объекты, возбуждающие живые аффектации; в каждом усиливается возбуждаемость аффектациями, прекращающимися и уже не вызывающими активного желания в другие периоды. Мальчик находит мир в меньшем пространстве, чем то, которое охватывает его видимый горизонт; он странствует в этих пределах и тратит силы на поиск объектов, которые в последующие годы, будучи увиденными, попросту игнорируются; объекты, которые позже целиком поглотят всю его душу, настолько же ему безразличны, насколько суждено стать потом безразличными для него объектам его нынешних страстей... Сколь много возможностей, должно быть, есть у каждого для того, чтобы засвидетельствовать прогрессирующий ход интеллектуального упадка и ту холодность, которая постепенно сковывает некогда великодушное сердце! Мы покидаем родные края, возможно в ранний период жизни, и после многих лет отсутствия возвращаемся туда со всеми воспоминаниями о былом наслаждении, становящемся все сильнее по мере приближения к своим объектам. Мы нетерпеливо ищем того, чей отцовский голос мы привыкли слышать с таким почтением, словно в его предсказаниях есть непреложность, присущая гласу оракула, того, кто впервые приобщил нас к знанию и чей образ постоянно соединялся в нашем уме со всем тем благоговением, которое не чуждо любви. Мы находим его, однако, впадшим в идиотическое слабоумие, неспособным нас узнать, не ведающим в равной мере о прошлом и о будущем и живущим лишь в восприимчивости к животному удовлетворению. Мы ищем любимого друга детства, чей добрый нрав [и т.д.]... Мы находим его сильно возмужавшим, встречающим нас с едва ли не холодным лицемерием распавшейся дружбы, в общих связях с миром, коим нет дела до той нищеты, которой *он* не чувствует... Видя все это... не используем ли мы всего лишь малозначащую метафору, когда говорим о нем, что он стал другим человеком и что его ум и характер изменились? В чем состоит идентичность?.. Предполагаемый

критерий идентичности применительно к разуму в этих случаях совершенно не работает. Он не воздействует и не подвергается воздействию одним и тем же образом в одних и тех же обстоятельствах. Следовательно, если этот критерий справедлив, то это не один и тот же разум» (Brown T. *Lectures on the Philosophy of the Human Mind*. — Andover: Published by Mark Newman, 1822. — Vol. 1. — “On Mental Identity”. — P. 180).

56. «У сэра Джона Катлера была пара черных шерстяных чулок. Служанка его так часто штопала их шелковыми нитками, что они превратились наконец в пару шелковых чулок. Так вот если представить, что у этих чулок сэра Джона при каждом заштопывании была бы какая-то степень сознания, то они были бы восприимчивы к тому, что являются одной и той же индивидуальной парой чулок до и после заштопывания, и это ощущение продолжалось бы в них на протяжении всей последовательности заштопываний, при этом после последнего из них в них не осталось бы, возможно, ни одной нитки от первой пары, и они выросли бы шелковыми чулками, как и было сказано выше» («Мемуары Мартинуса Скриблеруса» А. Поупа, цит. по: Brown T. *Op. cit.*).

57. Cobbe F.P. *Hours of Work and Play*. — Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1867. — P. 100.

58. Более тщательное исследование ошибок в рассказах см.: Gurney E., Myers F.W.H., Podmore F. *Phantasms of the Living*. — Vol. 1. — L.: Room of the Society for Psychical Research, 1886. — P. 126-158. В «Трудах Общества психических исследований» м-р Ричард Ходжсон показывает на огромном множестве примеров, насколько неточным у любого человека бывает сделанное по памяти описание быстрой последовательности событий (Proceedings of the Society for Psychical Research. — May 1887).

59. См.: Royce J. *Hallucination of Memory and “Telepathy”* // Mind. — 1888. — Vol. os-XIII. — Issue 50. — P. 244; idem. Report of the Committee on Phantasms and Presentiments // *Proceedings of the American Society for Psychical Research*. — 1889. — Vol. 1. — P. 366, — где приводятся свидетельства того, что определенного рода галлюцинации памяти, которые мы называем «ложными предчувствиями», — явление вовсе не необычное.

60. Ribot T. *Maladies de la mémoire*. — Paris: L’Harmattan, 1881. — P. 85. Сколь мало осталось бы от личного сознания, если бы *все* наши чувства прекратили свою работу, гениально показывает ремарка одного необычайно нечувствительного юноши, о случае которого сообщает проф. Штрюмпель (в: *Deutsches Archiv für klinische Medizin*. — 1878. — Bd. XXII. — S. 347). Этот юноша, которого мы позже увидим поучительным во многих отношениях, был совершенно лишен чувствительности вне и (насколько могли проверить) внутри, за исключением зрения на один глаз и слуха на одно ухо. Когда его глаз был закрыт, он говорил: «*Wenn ich nicht sehen kann, da BIN ich gar nicht* — Я уже не ем».

61. «Состояние пациента лучше всего сравнить с состоянием гусеницы, которая, сохраняя все свои идеи и воспоминания гусеницы, должна вдруг превратиться в бабочку с чувствами и ощущениями бабочки. Между старым и новым состоянием, между первым Я — Я гусеницы — и вторым — Я бабочки — существует глубокое разделение, полный разлом. Новые чувства не находят предшествующего ряда, в который они могли бы встроиться; пациент не может ни истолковать их, ни воспользоваться ими; он не узнает их; они ему неведомы. Отсюда следуют два вывода: первый заключен в его словах “*меня уже нет*”, а второй, приходящий чуть позже, — в словах “*я другое лицо*”» (Taine H. *De l’intelligence*. — 3me edition. — Paris: Hachette, 1878. — P. 462).

62. Griesinger W. *Mental Pathology and Therapeutics*. — N.Y.: William Wood & Co., 1882. — § 29.

63. См. интересный случай «старого пня» в: *Proceedings of the American Society for Psychical Research*. — 1889. — Vol. I. — P. 552.

64. Taine H. *Op. cit.* — Vol. II. — P. 461 (прим.). В книге Крисгабера много схожих наблюдений (Krishaber M. *De la névropathie cürübro-cardiaque*. — Paris: G. Masson, 1873).

65. Внезапные перемены во внешней фортуны часто производят такое изменение в эмпирическом *me*, которое доходит почти до патологического нарушения самосознания. Когда бедный человек выигрывает большой приз в лотерею или неожиданно наследует внушительное состояние, когда человек весьма известный переживает публичный позор, когда миллионер становится нищим или любящий муж и отец видит, как разом гибнет вся его семья, временно возникает такой разрыв между всеми прежними привычками, будь то активного или пассивного рода, и потребностями и возможностями новой ситуации, что индивид может не найти никакого средства преемственности или ассоциации, которое могло бы перенести его из одной фазы его жизни в другую. В этих условиях результатом нередко становится умственное расстройство.

66. Число испытуемых, которые могут плодотворно и с энтузиазмом это сделать, относительно невелико.

67. Сначала в «Revue scientifique» (26 мая 1876), а затем в книге: Azam E.E. *Hypnotisme, double conscience, et altérations de la personnalité*. — Paris: Librairie J.B. Baillière et fils, 1887.

68. Rieger C., Virchow H. *Der Hypnotismus*. — Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1884. — P. 109-115.

69. Transactions of the College of Physicians of Philadelphia. — April 4, 1888. См. также полное описание этого случая в: *Harper's Magazine*. — May 1860.

70. См. примеры в книге Рибо «Заболевания памяти». См. также большое их число в книге: Winslow F. *Obscure Diseases of the Brain and Mind*. — Philadelphia: Henry C. Lea, 1866. — Ch. XIII—XVII.

71. См. р. 203 в оригинале книги.

72. См. интересное описание, опубликованное мсье Ж. Жане в: *Revue scientifique*. — Mai 19, 1888.

73. Bourru H., Burot P. *Variations de la personnalité*. — Paris: Librairie J.-B. Baillière et fils, 1888.

74. Op. cit. — P. 84. В этой работе, в работе д-ра Азама (выдержки из нее приведены выше) и в книге проф. Т. Рибо «Заболевания личности» (1885) читатель найдет сведения и ссылки, относящиеся к другим известным случаям подобного рода.

75. Вит..., пациентка его брата, не помнившая в анестетическом бодрствующем состоянии ничего ни об одном из своих трансов, все же вспоминала свой более глубокий транс (в котором ее восприимчивости становились совершенными — см. выше [с. 207 в оригинале книги]), когда пребывала в более легком транс. Тем не менее в последнем она была так же лишена чувствительности, как и когда бодрствовала. (Loc. cit. — P. 619.) — Нам не кажется, что у Фелиды Х. было сколько-нибудь значимое различие в восприимчивости между двумя ее состояниями; насколько можно судить из описания мсье Азама, она была в какой-то степени нечувствительной в обоих (op. cit. — P. 71, 96). — В случае раздвоенной личности, о котором сообщает мсье Дюфе (*Revue scientifique*. — Vol. XVIII. — P. 69), память была наилучшей, видимо, в более анестетическом состоянии. — Испытуемые, сделанные под гипнозом слепыми, не обязательно утрачивают свои визуальные идеи. Таким образом, оказывается, что и амнезии могут происходить без анестезии, и анестезии — без амнезии, хотя они могут проявляться также и в комбинации друг с другом. Испытуемые, которым под гипнозом была внушена слепота, расскажут вам, что ясно воображают вещи, которые они больше не могут видеть.

76. Полное описание этого случая, сделанное м-ром Р. Ходжсоном, можно будет найти в «Proceedings of the Society for Psychical Research» за 1891 г.

77. Он провел день в Бостоне, ночь в Нью-Йорке, день в Ньюарке и десять дней или больше в Филадельфии, сначала в одной гостинице, потом в пансионе, ни с кем не знакомился, просто «отдыхая», читая и «оглядывая округу». К сожалению, мне не удалось добыть независимое подтверждение этих деталей, поскольку журналы записи постояльцев гостиницы уничтожены, а пансион, названный им, был снесен. Имена двух женщин, его державших, он забыл.

78. Все детали этого случая, как мы увидим, сопоставимы с симуляцией. Об этом я могу сказать только, что никто из тех, кто обследовал м-ра Борна (включая д-ра Рида, д-ра Вейра Митчелла, д-ра Гая Хинсдейла и м-ра Р. Ходжсона) практически не сомневается в его врожденной честности, да и никто из его личных знакомых, насколько я могу судить, не допускает скептического взгляда на это дело.

79. Stevens E.W. *The Watseka Wonder*. — Chicago: Religio-Philosophical Publishing House, 1887.

80. Мой друг м-р Р. Ходжсон сообщает мне, что в апреле 1890 г. посетил Уотсеку и подверг перекрестному расспросу основных свидетелей этого случая. Его уверенность в первоначальном рассказе укрепилась благодаря тому, что он узнал; и были удостоверены разные неопубликованные факты, повысившие правдоподобность спиритуалистической интерпретации этого феномена.

81. См. очень важную серию его статей об автоматическом письме и т.д. в «Proceedings of the Society for Psychical Research», особенно статью II в майском выпуске 1885 г. Ср. также с поучительной статьей д-ра Модсли (Maudsley H. *The Double Brain // Mind*. — 1889. — Vol. XIV. — P. 161) и очерком Люиса: Luys J.B. *Études sur le dédoublement des opérations cérébrales et sur le rôle isolé de chaque hémisphère dans les phénomènes de la pathologie mentale // L'Encéphale*. — 1888. — Vol. 8. — P. 516–534, 547–565.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 09.09.2018 г. (№ 2263)